

ВОЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

132980/2

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

1892

ФЕВРАЛЬ

№ 2

31
31
31
31
31

ОЧЕРКИ ХИВИНСКАГО ОАЗИСА.

(Статья первая).

Едва ли какая-либо другая страна на земномъ шарѣ, кромѣ развѣ сѣвернаго полюса, возбуждала такой интересъ въ ученое мѣръ всей Европы и привлекала къ себѣ такую массу изслѣдователей, какъ бассейнъ Аму-Дарьи, и именно, нижняя часть его, Хивинскій оазисъ, древній, таинственный Хорезмъ.

Однако, густой мракъ, покрывавшій эту страну съ древнѣйшихъ временъ, и недоступность ея для путешественниковъ, настолько затрудняли изслѣдованія, что почти безъ преувеличенія можно сказать, что до Хивинскаго похода свѣдѣнія о ней европейскихъ географовъ только весьма немного превышали свѣдѣнія Геродата, жившаго за 3000 лѣтъ до насъ, и Страбона, писавшаго въ I вѣкѣ по Р. Х. Хивинскій походъ снялъ эту непроницаемую завѣсу съ Хорезма и открылъ его для изслѣдователей всѣхъ странъ, устремившихся туда по проторенному нашимъ солдатамъ пути. Тогда начались, такъ сказать, *мирные походы* на Хиву, результаты которыхъ, одинъ изъ ихъ *гражданскихъ* участниковъ, профессоръ Мушкетовъ, *смѣло* сравниваетъ и ставитъ наравнѣ съ результатами, достигнутыми нашими доблестными войсками.

Однако, какъ ни плодотворны эти результаты, они все же до сихъ поръ не разсѣяли окончательно мрака таинственности, не познакомили читающую публику съ прошлымъ и настоящимъ этой, въ высшей степени интересной, страны и, что главное, не прекратили даже споровъ о возможности поворота Аму-Дарьи въ Каспій.

Для всесторонняго изученія этого вопроса была, какъ извѣстно, въ 1879 г. снаряжена, по Высочайшему повелѣнiю, комисія генерала Глуховскаго, которая, однако, до сихъ поръ не обнародовала результатовъ своихъ работъ, по всей вѣроятности громаднѣхъ и въ качественномъ, и въ количественномъ отношенiи.

Въ 1887 году командующимъ войсками Туркестанскаго округа было возложено на меня составленіе статистическаго описанія Хивинскаго оазиса, для чего я и былъ командированъ два раза на нѣсколько мѣсяцевъ въ низовья Аму-Дарья, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предпринята была инструментальная съемка оазиса, которая и закончена въ минувшемъ 1890 году. Не ожидая окончанія обработки собранныхъ матеріаловъ, я имѣю въ виду изложить самый сжатый географическій очеркъ Хивинскаго оазиса и подѣлиться нѣкоторыми результатами какъ моихъ личныхъ изслѣдованій, такъ и изученія страны по печатнымъ источникамъ (1).

Западная часть Средней Азіи орошается, какъ извѣстно, двумя рѣками-близнецами: Сыромъ и Аму. Басейны ихъ, раздѣленные въ верхнихъ частяхъ массивными хребтами, въ низовьяхъ совершенно сливаются, такъ что современные русла Аму уже принимаютъ въ себя прежнія русла Сыра. Оставляя въ сторонѣ бассейнъ Сыра, очертимъ въ общихъ чертахъ бассейнъ Аму, принимая за нижнюю часть его то пространство, на которомъ горные массивы не препятствуютъ рѣкѣ измѣнять свое теченіе.

Съ южной стороны бассейнъ этотъ окаймленъ хребтомъ Гиндукушъ и его западными продолженіями: Паропамизомъ, Хоросанскими горами, Копеть-дагомъ, Кюренъ-дагомъ и на самомъ западѣ Малымъ Балханомъ. Съ востока бассейнъ ограниченъ Памиромъ, а съ сѣвера—отрогами Тянь-Шаня: сначала Дарвазскимъ хребтомъ, потомъ Гисарскимъ, Туркестанскимъ и западнымъ продолженіемъ послѣдняго—горами Нуратау, и наконецъ, отдѣльными степными хребтами, идущими въ общемъ направленіи съ востока на западъ. Послѣдніе отроги этихъ хребтовъ Аму-Дарья прорываетъ теперь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ у Келифа, Керки, Ильджика, Дуль-дуль-атлагана, Питняка и Кисняка. Продолженіе послѣдняго изъ этихъ хребтовъ, Султанъ-Уизъ-дага, переходитъ частью и на лѣвый берегъ, близко подходя къ Устюрту въ видѣ весьма пологого водораздѣла. Къ сѣверу отъ него начинается уже бассейнъ Сыра, въ которой, такимъ образомъ, нѣсколько столѣтій тому назадъ, вторглась Аму-Дарья.

Между Аральскимъ и Каспійскимъ морями бассейнъ Аму ограничивается сначала Устюртомъ, затѣмъ высотами Каплакъ-кыръ, и, наконецъ, горами Большаго Балхана, отдѣленными отъ Малаго низ-

(1) Пособіемъ при чтеніи можетъ служить любая карта Средней Азіи, въ масштабѣ, по возможности, не болѣе 40 верстъ въ дюймѣ.

менной полосой, самая узкая часть которой не превосходить 17-ти верстъ. Въ этомъ проходѣ и пролегаетъ нижняя часть Узбой, который долго считался древнимъ Каспійскимъ русломъ Аму-Дарья.

За исключеніемъ гористой восточной части большая часть бассейна Аму представляетъ собою, такимъ образомъ, обширную низменность, съ легкимъ скатомъ съ востока на западъ, которую называютъ Закаспійскою низменностью, и которая несомнѣнно составляла, геологически недавно, т. е. не ближе, однако, 12,000 лѣтъ назадъ, дно моря, покрывавшаго, еще въ третичную эпоху, почти всю Среднюю Азію и часть Россіи. Глубина этого моря постепенно возрастала къ западу, гдѣ дно его представляло нѣсколько отдѣльных котловинъ. Наибольшая изъ нихъ, конечно, Каспійская, а затѣмъ Аральская; обѣ заняты до сихъ поръ солеными озерами, которыя, по своей величинѣ, считаются морями. Между ними расположено нѣсколько котловинъ меньшихъ размѣровъ, изъ коихъ болѣе или менѣе изслѣдована только Сары-камышская котловина. Самая низшая часть ея занята въ настоящее время соленымъ Сары-камышскимъ озеромъ, уровень котораго около семи сажень *ниже* уровня Каспія, но періодически повышается въ годы большой воды въ Аму-Дарьѣ, когда избытокъ ея стекаетъ въ Сары-камышы по старому руслу Куны-Дарья или Дарьялыкъ.

Площадь котловины этой простирается отъ 10,000 до 20,000 кв. верстъ, причеиъ она отдѣлена отъ склона къ Каспію водораздѣломъ у колодца Кугунекъ, съ высотой 36-ти сажень надъ уровнемъ Каспія, т. е. почти одинаковою съ современнымъ уровнемъ Аральскаго моря. Отъ послѣдняго, Сары-камышская котловина отдѣляется также водораздѣломъ у Устюрскаго мыса Акъ-Килинъ, высота котораго, вѣроятно, достигаетъ около 45-ти сажень.

Отъ южной оконечности Сары-камышской котловины тянется на юго-западъ знаменитый Узбой, который мѣстами дѣйствительно рѣзко напоминаетъ рѣчное русло, хотя, по его размѣрамъ, онъ могъ вмѣщать рѣку не больше Мургаба, т. е. гораздо меньше даже Сыръ-Дарья. Съ востока, по направленію отъ г. Келифа, тянется къ Сары-камышамъ другая руслообразная впадина съ высокимъ обрывистымъ правымъ берегомъ Унгузъ, или Келифскій Узбой, принимаемый въ послѣднее время за остатокъ первоначальнаго Келифскаго русла Аму-Дарья. Къ восточной окраинѣ Сары-камышской котловины примыкають оконечности старыхъ русель Аму, находящихся въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса: Даудана и Дарьялыкъ, которые здѣсь дѣлятся на много рукавовъ.

За исключеніемъ этой котловины и русель, поверхность Закаспійской низменности представляетъ собою, болѣею частью, ровную песчаную пустыню, покрытую зарослями степныхъ кустарниковъ, которые только мѣстами прерываются полосами сыпучихъ песковъ. Только въ немногихъ мѣстахъ пустыня эта уступаетъ мѣсто оазисамъ, пригоднымъ для осѣдлой жизни и съиздавна населеннымъ. Такіе оазисы расположены частью по прежнимъ притокамъ Аму: Мургабу и Теджену, но главнымъ образомъ, по теченію самой Аму и по ея теперешнимъ притокамъ. Однако, и по теченію Аму-Дарьи культурные оазисы не тянутся сплошной полосой, а сосредоточены въ двѣ группы: по верхнему и по нижнему теченію рѣки; средняя же часть ея, вслѣдствіе существовавшихъ до послѣдняго времени неблагоприятныхъ политическихъ условій, совершенно не населена, хотя обширные *тугаи* вполне пригодны и здѣсь для развитія культуры. Верхняя группа оазисовъ составляетъ Бухарское ханство, а нижняя—древній Хорезмъ, или Хивинскій оазисъ, причисляя къ нему, конечно, не только Хивинское ханство, но и орошаемая рѣкою части Аму-Дарьинскаго отдѣла.

Въ этихъ предѣлахъ оазисъ лежитъ приблизительно между 28, 5° и 31, 5° восточной долготы и 41 и 43, 5° сѣверной широты и занимаетъ около 600 кв. геог. миль.

Въ топографическомъ отношеніи поверхность оазиса довольно однообразна. Это повсюду совершенная равнина съ легкимъ скатомъ южной части на западъ и сѣверной на сѣверъ. Равнина эта окружена песчаной пустыней и прорѣзана въ разныхъ направленіяхъ руслами Аму, современнымъ и старыми, а также протоками и каналами, образующими какъ бы двѣ дельты: одну древнюю, обращенную къ Сары-камышской котловинѣ, а другую—современную, которая, начинаясь у Нукуса, обращена къ Аральскому морю.

Изъ горъ на пространствѣ оазиса находится только хребетъ Султанъ-Уизъ-дагъ, который на нѣкоторыхъ картахъ называется Шейхъ-Джели—по имени своей западной оконечности. Хребетъ этотъ состоитъ изъ совершенно голыхъ скалъ, достигаетъ высоты не свыше 3,000 футъ и совершенно лишенъ воды, если не считать нѣсколькихъ солоноватыхъ ключей. Изъ послѣднихъ наибольшую извѣстностью пользуется ключъ у могилы Султанъ-Уизъ-Каранная, по тому значенію, которымъ пользуются въ мусульманскомъ мірѣ могилы этого святаго. Говорю *могилы*, потому что ихъ извѣстно нѣсколько... По преданію, Султанъ-Уизъ-Каранная, другъ Магомета, былъ убитъ въ одномъ сраженіи; семь вождей стали спорить за честь

похоронить его на землѣ своего племени и, чтобы помирить ихъ, Магометъ предложилъ каждому устроить по гробу и предоставить самому покойнику избрать любой. Такъ и сдѣлали, а на утро во всѣхъ семи гробахъ оказались подлинныя тѣла Султанъ-Уиза. Такое обстоятельство упрочило за нимъ репутацію святаго и всѣ семь экземпляровъ его смертныхъ останковъ были увезены въ разные концы мусульманскаго міра. Теперь ихъ, вѣротно, уже не семь, а гораздо больше. Надъ могилою святаго въ Хорезмѣ былъ построенъ мазаръ, а въ началѣ текущаго столѣтія—монастырь, привлекающій большое число богомольцевъ. По имени святаго названъ и весь хребетъ. Однако, ключъ этотъ весьма бѣденъ водою, которая имѣетъ солоноватый вкусъ и считается цѣлебною, хотя въ дѣйствительности кажется просто слабительная.

Вдоль подошвы хребта пролегаетъ старое русло Акча-Дарья, которое признается за первоначальное русло Сыръ-Дарья; она поварачивала сюда отъ г. Ходжента, мимо сѣверной подошвы Нуратау и шла между степными хребтами въ русло Акча-Дарья, что совершенно согласуется и съ преданіями туземцевъ.

Отдѣльныя высоты, составляя какъ бы размытые отроги хребта Султанъ-Уизъ, тянутся по оазису въ двухъ направленіяхъ: главная вѣтвь составляетъ правый, нагорный, берегъ Аму-Дарьи до Нукуса, а далѣе въ дельтѣ проявляется нѣсколькими отдѣльными высотами. Другая вѣтвь переходитъ на лѣвый берегъ Аму, въ видѣ высоты Джумурлы, и нѣсколькихъ небольшихъ бугровъ, расположенныхъ по линіи перегиба ската изъ западнаго въ сѣверный по направленію къ Устюртскому мысу Акъ-Килинь.

По своимъ физическимъ свойствамъ, равно какъ по положенію относительно Аму-Дарьи, единственной жизненной артеріи края, оазисъ распадается на три части: лѣвый берегъ, правый берегъ и дельту. Лѣвый—соотвѣтствуетъ древней, Сары-камышской дельтѣ Аму, а правый представляетъ собою наслѣдство, оставленное Аму-Дарьѣ Сыромъ. Такое раздѣленіе не вполне соотвѣтствуетъ политическому дѣленію страны, такъ какъ русская граница проходитъ по берегу Аму и по западному рукаву ея дельты—Талдыку, но граница эта чисто условная и существованіе ея отражается только на степни обремененія населенія палогамъ; во всемъ же остальномъ между обоими берегами, какъ выше, такъ и ниже Нукуса (¹), существуетъ самая тѣсная связь, какъ относительно пользованія водами Аму

(¹) Нукусъ—недавно упраздненное укрѣпленіе въ вершинѣ дельты.

такъ и въ этнографическомъ отношеніи. Зачастую, одинъ братъ живетъ на русскомъ берегу, а другой—на хивинскомъ. Братъ Ханкинскаго бека служить волостнымъ старшиною на русскомъ берегу и т. д.

Почва оазиса состоитъ изъ рѣчныхъ и озерныхъ осадковъ, аналогичныхъ по своему составу съ лессомъ, несомымъ въ видѣ ила Аму-Дарьюю. Этотъ, такъ называемый, *вторичный*, наносный лессъ представляетъ собою почву хотя и весьма плодородную, но далеко не такую неистощимую, какъ мощныя залежи лесса *первичнаго*. И если въ Хивѣ получаются почти баснословные урожаи, то это главнымъ образомъ слѣдуетъ объяснять высокой степенью культуры и тщательнымъ удобреніемъ и обработываніемъ полей.

Главный недостатокъ почвы въ оазисѣ—это замѣчаемая мѣстами солончатость ея, вслѣдствіе чего, при первоначальной обработкѣ, приходится свозить верхній, богатый солью слой и, послѣдовательнымъ напусканіемъ воды, выщелочить почву, послѣ чего она даетъ прекрасные урожаи, при тщательномъ, однако, удобреніи. Соленосную землю свозятъ на низменныя площадки, служащія для сброса излишней воды изъ арыковъ, причемъ въ такихъ мѣстахъ образуются искусственные солонцы, представляющіе рѣзкій контрастъ съ окружающими ихъ садами и пашнями. Самое замѣчательное, однако, то, что такіе солонцы встрѣчаются только въ наиболѣе культурной, восточной части оазиса, тогда какъ дельта, гдѣ культура гораздо ниже, имѣетъ почву почти вездѣ совершенно несоленую. Обстоятельство, указывающее, что кажущаяся бесплодность солонцовъ не составляетъ препятствія къ развитію культуры.

Какъ, по образу жизни населенія, въ Хивинскомъ оазисѣ можно прослѣдить всѣ степени переходовъ отъ вполне кочевой къ совершенно осѣдой жизни, такъ и культурная поверхность оазиса представляетъ всѣ ступени отъ едва поцарапанной плугомъ пашни кочевника-киргиза или каракалпака, до въ высшей степени интенсивнаго хозяйства сарта или узбека на полѣ, тщательно разработанномъ, выровненномъ, прекрасно удобряемомъ, обсаженномъ деревьями и орошаемомъ *чигиремъ* (водоподъемная машина). Но такъ какъ первыя встрѣчаются только въ глухихъ, мало доступныхъ мѣстахъ дельты, то, въ общемъ, глазу путешественника оазисъ является странною сплошь обработанной и высоко культурной, которую бывалые люди сравниваютъ только съ Ломбардіей, Египтомъ и Китаемъ. Конечно, выраженіе *сплошь обработанной* нельзя понимать буквально: въ промежуткахъ между бассейнами магистральныхъ арыковъ всегда остаются болѣе или менѣе значительныя пустыри, отчасти занятые

искусственными солонцами, отчасти болотами или выгонами: въ восточной части такіе пустыри весьма не велики; по мѣрѣ же удаленія отъ г. Хивы къ западу, гдѣ воды меньше, они становятся обширнѣе. Въ дельтѣ къ пустырямъ, служащимъ отличными пастбищами, присоединяются обширные разливы и заросли непролазныхъ камышей выше роста всадника, среди которыхъ пашни разбросаны только отдѣльными, небольшими участками. Впрочемъ, и въ центрѣ дельты есть цѣлый районъ — окрестности города Чимбая, который по степени культуры немногимъ уступаетъ восточной части ханства.

Часто приходится слышать, что Хивѣ, какъ и Бухарѣ, угрожаетъ поглощеніе сыпучими песками пустыни. Чтобы разрѣшить вопросъ, насколько въ дѣйствительности опасны пески, заносятъ ли они культуру, или, наоборотъ, сами поглощаются ею, надо обратиться къ пескамъ, которые, по своему положенію, представляютъ, повидимому, наибольшую опасность для сосѣднихъ съ ними пашень и наиболѣе похожи на губителей культуры. Такими представляются намъ песчаные языки по правому берегу Аму-Дарьи, далеко вдающіеся въ культурное пространство и притомъ расположенные съ навѣтренной стороны, такъ какъ господствующіе въ этихъ мѣстахъ вѣтры NO. Песчаные языки эти охватываютъ бассейны магистральныхъ каналовъ съ трехъ сторонъ и NO вѣтеръ несетъ на культурныя площади песокъ иногда положительно струей, какъ мнѣ случалось наблюдать это, переѣзжая поперекъ песчаные языки во время сильнаго вѣтра, когда мелкія частицы песка стоятъ въ воздухѣ сухимъ туманомъ, а крупныя стелятся струйками по поверхности. Спрашивается, какъ же могутъ существовать въ сосѣдствѣ съ этими песками обработанныя поля, когда такое движеніе на нихъ песокъ началось не день и не годъ тому назадъ, а разумѣется, съ того самаго времени, когда на границѣ песчаной пустыни появились пашни, орошаемыя арыками изъ Аму-Дарьи, и между тѣмъ всѣ туземцы въ одинъ голосъ говорятъ, что песокъ не губитъ поля, а *удобряетъ* ихъ. Это странное, повидимому, противорѣчіе объясняется очень просто тѣмъ обстоятельствомъ, что песокъ, особенно съ значительной примѣсью лесса (каковъ онъ вездѣ въ пустынѣ), попадая на влажное поле, превращается въ ту же самую почву, на которой разведено это поле, дѣлая только болѣе рыхлымъ тяжелый, глинистый грунтъ. Вотъ почему такъ часто случается видѣть песчаный откосъ въ 45°, примыкающій съ навѣтренной стороны непосредственно къ зеленому полю клевера и не приносящій послѣднему никакого вреда. Напротивъ, въ такихъ случаяхъ и самъ то песчаный откосъ, обращенный къ

влажному полю, зарастает самъ собою колючкой и становится совершенно неподвижнымъ. При сравненіи съемки 1873 г. со съемкой 1888 г. оказывается, что садъ Кельтеминаръ, который 1873 г. находился весьма близко отъ оконечности культуры, въ настоящее время отстоитъ отъ нея уже въ трехъ слишкомъ верстахъ. Эти 1½—2 версты составляютъ завоеваніе культуры въ теченіе 15-ти лѣтъ. Другой примѣръ, болѣе замѣтный, представляетъ собою пространство между укр. Петро-Александровскомъ и г. Шураханомъ. Въ 1873 г. пески, начинаясь у самаго укрѣпленія, тянулись на протяженіи почти четырехъ верстъ до Шураханскаго Базара. Въ настоящее время полоса эта сдузилась со стороны Шурахана версты на двѣ, а со стороны Петро-Александровска не суживается только потому, что этого не допускаютъ власти: въ пескахъ по арыку Алчинъ расположенъ лагерь войскъ Петро-Александровскаго гарнизона, которому пески служатъ военнымъ полемъ и, въ качествѣ такового, охраняются отъ захвата подъ пашни.

На лѣвомъ берегу замѣчается тоже самое: одинъ изъ ближайшихъ сановниковъ хана, Мирза-Баши-Палванъ, показывалъ мнѣ свой садъ, который былъ разведенъ имъ 20 лѣтъ назадъ въ разстояніи двухъ-трехъ танавовъ (200—300 шаговъ) отъ окраины песчаной пустыни; теперь пески ушли отъ него шаговъ на 900. Такихъ примѣровъ можно привести сколько угодно. Словомъ, какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ берегу, всѣ говорятъ, что пашни отнюдь не сократились съ прихода русскихъ (это, такъ сказать, *эра*, отъ которой теперь ведется въ общежитіи лѣтосчисленіе); что степень углубленія ихъ въ пустыню зависитъ только отъ количества воды въ арыкахъ, и что тамъ, гдѣ вѣтеръ не наноситъ самъ песка на пашню, приходится возить послѣдній, въ видѣ удобренія, иногда за нѣсколько верстъ. И дѣйствительно, мнѣ самому приходилось видѣть, какъ арба подѣзжаетъ къ песчанному бархану, нагружается пескомъ и везетъ его на пашню... Тоже самое, что дѣлаютъ садовники въ Ташкентѣ, покупая песокъ изъ рѣки Чирчикъ...

Маленькіе участки песковъ въ разныхъ мѣстахъ оазиса подвергаются, такимъ образомъ, систематическому растаскиванію на удобреніе. Обнаженные отъ песка площади присоединяются къ сосѣднимъ пашнямъ, и уничтоженіе песковъ идетъ быстро и неуклонно, такъ что во многихъ мѣстахъ лѣваго берега жители сѣтуютъ на то, что приходится слишкомъ далеко ѣздить за пескомъ...

Но почему же на пространствѣ между Султанъ-Уизомъ и Аму

песчаные барханы покрываютъ *такыры* ⁽¹⁾, усѣнные развалинами съ видимыми слѣдами культуры?

Съемки показываютъ, что никакихъ слѣдовъ каналовъ, по которымъ культура эта могла бы получать орошеніе изъ Аму, не имѣется; теперешнихъ каналовъ едва хватаетъ на орошеніе существующихъ полей; оконечности ихъ настолько малы, что они никогда не могли вмѣщать большаго количества воды, а слѣдовательно пространство это орошалось не изъ Аму. Въ такомъ случаѣ оно могло получать воду только изъ Акча-Дарьи, когда по ней протекала Сырь-Дарья. Когда же Сырь оставилъ это русло, культура, которой онъ давалъ жизнь, погибла; населенные пункты были брошены, пашни засохли. Песокъ, несомый НО вѣтромъ, попадая на нихъ, пересталъ смѣшиваться съ почвой и сталъ слагать песчаные барханы, которые сейчасъ же начали наступленіе къ Аму-Дарьѣ.

Историческая справка показываетъ, что въ прошломъ столѣтіи правый берегъ Аму былъ почти совершенно не населенъ; слѣдовательно, орошеніе его началось въ нынѣшнемъ столѣтіи. Располагая массою казенныхъ рабочихъ, хивинскіе ханы и ихъ сановники имѣли возможность быстро провести теперешніе каналы праваго берега (причемъ захватили большую часть земель себѣ), остановили такимъ образомъ пески и постепенно вѣзали оконечности арыковъ далеко въ пустыню.

1873 годъ остановилъ это поступательное движеніе культуры, такъ какъ русская администрація не имѣетъ средствъ къ продолженію иригаціонныхъ работъ. Впрочемъ, едва-ли они и стоятъ затратъ на правомъ берегу, по всей вѣроятности обреченномъ, какъ увидимъ, на поглощеніе Аму-Дарьею.

Такимъ образомъ, общій выводъ, къ которому я пришелъ, извѣдывъ вдоль и поперекъ Хивинскій оазисъ, это—что пески никогда не засыпали и не могутъ засыпать живую культуру; что если въ иныхъ мѣстахъ мы и видимъ развалины и слѣды полей, занесенные пескомъ, то это значитъ, что культура здѣсь, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, раньше лишилась воды, засохла и погибла, а потомъ уже была занесена пескомъ; что, слѣдовательно, роль песковъ—роль не *убійцы*, а только *могильщика*.

Существованіе среди песковъ живыхъ деревьевъ, яко бы свидѣтелей погребенія песками живой культуры, также ничего не доказываетъ. Деревья растутъ и въ песчаной пустынѣ, а взрослое дерево,

(1) Такыръ—ровная поверхность съ твердымъ глинистымъ грунтомъ.

удѣлѣвшее послѣ оставленія пашни на произволь вѣтра, отлично можетъ существовать многіе годы послѣ того, какъ вокругъ его ствола наростутъ барханы песку, особенно если суевѣрное уваженіе охраняетъ его отъ порубки.

Придя къ такому выводу, я съ понятнымъ удовольствіемъ прочель, что академикъ Мидендорфъ вынесъ такой же взглядъ на дѣятельность песковъ въ Ферганѣ.

«Природа не погубитъ сыпучимъ пескомъ культурной почвы Ферганы, говоритъ почтенный академикъ, а въ возможности орошенія онъ видитъ могучее средство для укрощенія сыпучихъ песковъ. Засыпаніе пескомъ, говоритъ далѣе г. Мидендорфъ, результатъ бессмысленнаго хозяйствованія, безразсуднаго искорененія растительности всеми средствами».

Или, надо добавить, результатъ обезводненія цѣлыхъ культурныхъ площадей. Подобное обезводненіе можетъ быть обусловлено разными причинами, въ числѣ которыхъ главную роль играютъ перемѣщеніе русла и развитіе культуры въ верховьяхъ, въ ущербъ странамъ по нижнему теченію. Однако, въ Хивинскомъ оазисѣ обѣ эти причины не могутъ повліять на уменьшеніе культурной площади, такъ какъ воды въ Аму слишкомъ достаточно для орошенія нѣсколькихъ такихъ оазисовъ, какъ Хивинскій, а покинуть Хорезмъ, перемѣнивъ опять русло, Аму-Дарья также, какъ увидимъ, болѣе не можетъ.

Очертивъ вкратцѣ физическое устройство поверхности оазиса, перехожу къ его жизненной артеріи Аму-Дарьѣ, причемъ сначала разсмотрю ее въ ея современномъ теченіи, а затѣмъ коснусь ея прошлаго.

Аму-Дарья беретъ начало среди вершинъ Памира въ видѣ нѣсколькихъ горныхъ рѣчекъ, изъ соединенія которыхъ образуется рѣка Пянджъ, становящаяся судоходною у развалинъ кр. Фейзабатъ. Уже здѣсь замѣчается повсюду, что правый берегъ ея приглубый, обрывистый, а лѣвый—низменный и пологій. Название Аму-Дарья рѣка получаетъ послѣ слиянія съ р. Вакшемъ, гдѣ она оставляетъ массивные горные хребты и входитъ въ низменность, теряя вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ горной рѣки и постепенно превращаясь въ спокойную степную, почти безъ притоковъ, съ широкою и ровною долиною, имѣющею небольшую абсолютную высоту. Должна эта ограничена крутыми, высокими вторыми берегами, то отходящими отъ русла на нѣсколько верстъ, то снова приближающимися къ самой рѣкѣ. Такія расширенія долины, заросшія въ дикомъ состояніи ка-

мышемъ и непроходимой чащей кустарника, сопровождаютъ рѣку по всему среднему теченію и называются *тугай*. Они-то и составляютъ почву, на которой, при благопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, развивается богатая культура. На лѣвомъ берегу полоса тугаевъ имѣеть ширину мѣстами до 15-ти верстъ, а на правомъ значительно уже, чаще прерывается пустынею и во многихъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ подмыванія праваго берега, замѣтно уменьшается годъ отъ года.

Вообще подмываніе праваго берега—характерная особенность Аму-Дарьи, и если мѣстами, какъ въ Чарджуѣ, рѣка по временамъ ударяетъ въ лѣвый, то это бываетъ явленіемъ чисто временнымъ, обусловленнымъ случайными причинами (какъ, напримѣръ, конфигураціей отмелей) и легко устранимымъ, что мы и видимъ въ Чарджуѣ, гдѣ рѣка въ послѣдніе два года перенесла-таки свое русло къ правому берегу.

Въ самомъ руслѣ рѣки находится множество отмелей, которыя, то увеличиваясь въ размѣрахъ, превращаются въ острова, то снова смываются рѣкою до основанія; однако, по всему среднему теченію, т. е. до Питнякской луки, главное русло рѣзки отличается отъ боковыхъ протоковъ и фарватеръ почти повсюду идетъ вдоль высокаго праваго берега.

За Питнякской лукой, мѣтко прозванной туземцамъ Тюя-Муюнъ, т. е. *верблюжья шея*, рѣка вступаетъ въ область своего нижняго теченія, характеризуемаго постепеннымъ расширеніемъ долины и отсутствіемъ вторыхъ береговъ, такъ какъ высоты, образующія ихъ, разступаются у вершины луки и теряются въ песчаной пустынѣ. Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ беретъ начало и главный каналъ ханства Палванъ-Ата. Здѣсь же одна изъ самыхъ удобныхъ переправъ во всемъ оазисѣ, которою и воспользовались русскія войска въ 1873 году. Удобна она тѣмъ, что рѣка течетъ здѣсь однимъ русломъ, не требуя пересадокъ съ каюка на каюкъ и переправа совершается быстро. Такія же удобныя переправы имѣются еще только ниже Шейхъ-Джели, у г. Кипчака и Нукуса.

Начиная отъ истока Палванъ-Ата, берега становятся плоскими и низменными. Впрочемъ, правильнѣе было бы сказать, что у Аму-Дарьи здѣсь совершенно *нѣтъ береговъ*, въ смыслѣ ясно обозначенной линіи, такъ какъ главная струя повсюду сопровождается множествомъ боковыхъ протоковъ, совершенно незамѣтно переходящихъ въ оросительные каналы. Единственная, ясно обозначенная линія, это линія культуры, которая идетъ почти вездѣ въ разстояніи нѣ-

сколькихъ верстѣ отъ главнаго русла, т. е. тамъ, куда обыкновенные ежегодные разливы уже не хватаютъ. Если ее признать за береговую линію, то ширина рѣки болѣею частью окажется до шести верстѣ, изъ которыхъ на долю главнаго русла приходится отъ одной до двухъ, а остальное пространство занято рукавами, образующими множество острововъ, болѣе или менѣе заливаемыхъ въ половодье.

Скорость теченія на всемъ пространствѣ до Нукуса, при низкомъ уровнѣ, колеблется отъ четырехъ до шести верстѣ въ часъ, а въ половодье достигаетъ семи и даже восьми верстѣ. Глубина на фарватерѣ отъ четырехъ до 25-ти фут., но на перекатахъ, которыхъ отъ Питняка до Нукуса насчитывается свыше 40, фарватеръ болѣею частью очень узкій и крайне непостоянный, такъ какъ онъ измѣняется не только послѣ каждаго половодья, но иногда просто въ нѣсколько часовъ. Да и не только фарватеръ, а и самое очертаніе береговъ иногда въ теченіе одного лѣта измѣняется до неузнаваемости. Мягкость грунта береговъ и дна, сложенныхъ изъ лесса съ болѣею или меньшею примѣсью песку, способствуетъ этому въ высшей степени. Иногда достаточно бываетъ самаго ничтожнаго обстоятельства, чтобы фарватеръ измѣнился въ нѣсколько часовъ.

Случается, что нагруженный каюкъ станетъ на мель, отклонить струю теченія въ другую сторону и вода начинаетъ подмывать отлогій берегъ, перенося къ нему свой фарватеръ. Ударяясь въ берегъ, струя вырываетъ на уровнѣ воды частицы ила, образуетъ подмывъ, и глыба берега сползаетъ или обваливается въ воду. Мокрый илъ таетъ съ быстротою сахара и уносится водою, которая опять начинаетъ подмывать берегъ и опять новыя глыбы падаютъ въ воду одна за другою. Если при этомъ вода нападаетъ на слой съ большимъ содержаніемъ песка, то размываніе идетъ съ поразительною быстротою.

Такъ поглощена была рѣкою въ теченіе 1885 и 1886 годовъ вся площадь лагеря Петро-Александровскаго гарнизона, причемъ пришлось даже поднять по тревогѣ ночью казачій полкъ, чтобы спастъ имущество изъ бараконъ.

Къ веснѣ 1887 года отъ всего лагеря не осталось и слѣдовъ. Главное русло Аму шло теперь на мѣстѣ казачьяго лагеря и уже подходило къ весьма чтимой населеніемъ гробницѣ святаго Сеидь-Магомедь-Гирея. Съ разрѣшенія начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла, тѣло святаго было перенесено въ городъ Хиву, а черезъ нѣсколько дней половина надгробнаго мазара уже обрушилась въ воду. На слѣдующій годъ подмываніе берега въ этомъ мѣстѣ прекратилось, но за то рѣка стала грызть берегъ нѣсколько выше, противъ самаго

Петро-Александровска, что продолжалось и въ 1889 году. Теперь городъ находится всего въ полутора верстахъ отъ берега и весьма возможно, что черезъ нѣсколько лѣтъ отъ него не останется и слѣдовъ.

Однако, такое разрушительное дѣйствіе рѣки проявляется только на правомъ берегу. На лѣвомъ вода нигдѣ не рветъ берега, а если уровень ея и поднимается, то, выйдя изъ береговъ, какъ изъ переполненной посуды, рѣка затопляетъ нѣкоторое пространство, сносить береговыя плотинки и затѣмъ стекаетъ въ одинъ изъ каналовъ или старыхъ русель, какъ это было въ 1878 г., когда такъ много шуму надѣлалъ, такъ называемый, «естественный поворотъ» Аму въ Каспій, въ которомъ многіе хотѣли видѣть указаніе самой природы на легкую возможность возстановленія стараго теченія. Но сбыла вода и «поворотъ» кончился самъ собою. Размытыя береговыя плотины возстановили и населеніе вернулось на свои затопленныя поля. Въ 1889 г. такой же «поворотъ» случился опять, хотя и въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ. Пространство между гг. Ходжейли и Куня-Ургенчемъ представляло при этомъ сплошной разливъ, по которому приходилось перебираться или въ бродѣ, или на лодкѣ.

Совсѣмъ не то на правомъ берегу. Около 1876 г. Дарья впервые стала прорывать правый берегъ между Шабасъ-Вали и Бій-Базаромъ. Прорывъ заградили и наводненіе не повторялось до 1887 г., когда загражденіе было снесено, воды Аму достигли подошвы Султанъ-Уиза, залились по руслу Акча-Дарьи вверхъ и внизъ, и стекли обратно въ Аму-Дарью у развалинъ Янтыкъ-Калы. Зимой собрали массу казенныхъ рабочихъ и устроили грандіозную дамбу, до четырехъ верстъ длиною, изъ хвороста и земли съ нѣсколькими отбивными полуплотинами. Разливъ уменьшился за зиму и населеніе опять распахало поля. Но настало лѣто 1888 г. и когда пришла большая вода, то плотина была снесена въ одну ночь и на мѣстѣ ея установилось русло въ версту шириною, по которому масса воды устремилась въ Акча-Дарью. Почти вся Бій-Базарская волость была затоплена; разливъ принялъ видъ озера до 100 кв. верстъ величиною; администрація признала себя безсильной въ борьбѣ съ рѣкою и озеро существуетъ и понынѣ.

Эти два примѣра показываютъ, до какой степени различна дѣятельность рѣки на правомъ берегу и на лѣвомъ. На правомъ она подмываетъ, грызетъ берегъ, а на лѣвомъ только разливается и по спадѣ водъ возвращается въ свое русло.

Такія частныя уклоненія вправо, какъ у Бій-Базара, замѣчае-

мы также и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по среднему теченію рѣки, представляютъ собою результатъ постояннаго стремленія Аму-Дарья вправо, которое и привело ее къ послѣдовательной перемѣнѣ многихъ русель.

Является вопросъ: гдѣ же предѣль этимъ уклоненіямъ? неужели современемъ Аму можетъ покинуть Хивинскій оазисъ, какъ покинула она, когда-то цвѣтуція, мѣстности къ югу отъ ханства, по старымъ русламъ, ведущимъ къ Сары-Камышу?

Къ счастью, нѣтъ, и въ этомъ отношеніи огромную роль играетъ хребетъ Султанъ-Уизъ-Дагъ.

Правда, вдоль подошвы этого хребта проходитъ сухое русло Сыръ-Дарья и, слѣдовательно, Султанъ-Уизъ не помѣшалъ этой рѣкѣ покинуть древній Хорезмъ, но съ Аму-Дарьей этого случиться не можетъ. Рядъ степныхъ горъ, расположенныхъ подъ угломъ къ руслу Аму, но параллельно старому руслу Сыра, и имѣющихъ общее направленіе съ востока на западъ, при общемъ паденіи мѣстности въ ту же сторону, не могъ помѣшать Сыру обойти Султанъ-Уизъ-дагъ и другіе степные хребты, но этотъ же рядъ горъ составитъ въ будущемъ непреодолимую преграду для дальнѣйшаго отклоненія средняго теченія Аму, а нижнее теченіе ея не можетъ обогнуть Султанъ-Уизъ, такъ какъ для этого рѣкѣ пришлось бы пойти вспять, вверхъ. Гробница святаго Султанъ-Уизъ-Каранна, весьма чтимая всѣмъ оазисомъ и расположенная въ неодолимомъ для рѣки горномъ краѣ, крѣпко стережетъ измѣнчивую мать-рѣку, такъ балующую своихъ дѣтей всѣми дарами природы, но за то готовую во всякое время покинуть ихъ на произволь песка и вѣтра...

Вода Аму-Дарья имѣетъ грязный, желтовато-бурый цвѣтъ отъ массы частицъ ила, и до такой степени мутна, что даже въ самомъ тонкомъ слоѣ, на блкдечкѣ, совершенно не имѣетъ прозрачности. Количество ила въ половодье доходить до 25⁰/о вѣса воды.

Количество воды, несомой рѣкою, простирается у Питняка отъ 133,000 до 160,000 куб. футъ въ секунду, а у Нукуса отъ 46,000 до 75,000. Такая огромная разница обусловливается громаднымъ расходомъ воды въ оросительные каналы ханства. Для сравненія можно привести, что Волга, до впаденія Камы, несетъ 68,000 куб. фут. при ординарной водѣ, а Донъ, при низкой водѣ, только 7,200 кубич. фут.

Зимній, низкій уровень воды продолжается съ октября до апрѣля, т. е. полъ года, а наибольшій разливъ начинается обыкновенно между 25-мъ іюня и 15-мъ іюля.

Относительно замерзанія рѣки, къ сожалѣнію, до послѣдняго времени не велось правильныхъ записей, но вообще, можно сказать, что въ Петро-Александровскѣ ледъ стоитъ 3—4 недѣли, а въ Нукусѣ мѣсяца 1½—2. Иногда выдаются годы, когда рѣка не замерзаетъ совсѣмъ или, напротивъ, замерзаетъ на нѣсколько дней даже у Чарджуя.

Изъ всего сказаннаго о свойствахъ рѣки очевидно, что Аму-Дарья безусловно судоходна, но единственный типъ пароходовъ, пригодный для плаванія по ней—это ни въ какомъ случаѣ не буксирные, а небольшіе *грузовые* пароходы американскаго типа, съ низкими бортами, съ помѣщеніемъ подъ палубой только для груза, или даже безпалубные, и, съ посадкой не выше двухъ футъ, поднимающіе около 5,000 пуд. груза. Такіе пароходы въ Америкѣ существуютъ.

Дельта Аму подвергается постояннымъ измѣненіямъ въ такой степени, что не только на памяти одного поколѣнія, но даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, одни протоки усыхаютъ совершенно, а другіе, напротивъ, изъ ничтожныхъ обращаются въ многоводные. Мало того, самый характеръ истоковъ дельты въ море періодически совершенно измѣняется. Карта дельты, составленная въ 1873 г., совершенно не похожа на карту 1849 и 1859 годовъ, и, въ свою очередь, рѣшительно непригодна для нашего времени.

Въ 1849 году дельта начиналась у истока Лаузана, часть водъ котораго шла въ Айбугирскіе разливы у чинка Устюрта и по нимъ достигала моря, что и было причиною появленія на картахъ Айбугирскаго залива. Главнымъ рукавомъ, единственно доступнымъ для входа съ моря, былъ самый западный—Талдыкъ.

Къ 1873 г. Айбугирскіе разливы пересохли; Талдыкъ едва сохранялъ слабое теченіе въ море и былъ уже подпертъ плотиною у г. Кунграда. Аму-Дарья въ то время, можно сказать, не доносила своихъ водъ до Аральскаго моря, такъ какъ остальные протоки дельты впадали въ обширные, заросшіе камышами, разливы и озера; теряли въ нихъ свое названіе и уже избытокъ прозрачныхъ, отстоявшихся водъ этихъ разливовъ стекалъ въ море посредствомъ двухъ новыхъ рѣкъ: Улькунъ-Дарьи и Яны-Су. Доступъ въ Аму-Дарью съ моря почти не былъ возможенъ.

Въ настоящее время Талдыкъ близокъ къ окончательному изсякновенію: вода въ его руслѣ подперта пятью плотинами и теченіе оканчивается въ 30-ти верстахъ отъ моря, въ которое не попадаетъ ни капли талдыкской воды. Главное теченіе идетъ теперь по Ишану, который былъ ничтожнымъ протокомъ въ 1873 г., и затѣмъ по Уль-

кунь-Дарьѣ, приче́мъ мутныя воды Аму э́тимъ путе́мъ непосредственно изливаются въ море, только отчасти теряясь въ Кушкана-таускихъ разливахъ. Восточное раздвоене́ Аму-Дарьи: Куваншь-Джарма и затѣмъ Яны-Су также за послѣднее время усиливается и въ немъ также происходятъ весьма большія измѣненія.

Описаніе хотя бы главнѣйшихъ рукавовъ дельты далеко вывело бы меня изъ рамокъ этого очерка, а потому я скажу только, что теперь средній рукавъ, Улькунь-Дарья, представляетъ собою вполне судоходный путь, по которому въ прошломъ году прошелъ въ море и назадъ *даже* пароходъ Аму-Дарьинской флотиліи, приче́мъ путь этотъ несомнѣнно улучшается годъ отъ года.

Старыхъ русель Аму въ предѣлахъ оазиса два: Дауданъ и Дарьялыкь (¹). Первый начинается верстахъ въ 15-ти отъ Аму-Дарьи и идетъ на западъ: мѣстами въ видѣ опредѣленнаго русла, а мѣстами въ видѣ ряда обширныхъ разливовъ, заполненныхъ сбросомъ избытка воды изъ каналовъ. Разливы эти занимаютъ сплошь верхнюю часть Даудана, а далѣе идетъ болѣе опредѣленное сухое русло. Подходя къ Сары-камышской котловинѣ, Дауданъ выдѣляетъ нѣсколько побочныхъ рукавовъ, какъ бы образуя свою небольшую дельту. Ширина Даудана вполне достаточна для вмѣщенія въ него всей Аму-Дарьи, которая, надо полагать, и текла по нему, судя по преданіямъ, примѣрно до VII вѣка по Р. Х. Начало другаго русла, Дарьялыкь, расположено ближе къ берегу Аму, всего верстахъ въ 6—10, приче́мъ непосредственно изъ Дарьи оно получаетъ небольшое количество воды по арыку, также называемому Дарьялыкь. Русло это сравнительно недавнее (²); по размѣрамъ оно меньше Даудана, но сохраняетъ непрерывный видъ до самой Сары-камышской котловины. Водой оно наполняется изъ протока Лаузана; теченіе въ немъ обыкновенно прекращается не доходя г. Куны-Ургенча, но въ годы большой прибыли воды достигаетъ и до Сары-камыша. Средняя часть Дарьялыкь даетъ начало нѣсколькимъ большимъ каналамъ, изъ коихъ главный Шамратъ; однако, до послѣдняго времени каналы эти были запущены и только съ начала 80-тыхъ годовъ культура на нихъ стала сильно развиваться, вѣроятно, подъ влияніемъ умиротворенія Закаспійской области.

Ирригаціонныя каналы Хивинскаго оазиса представляютъ въ своемъ родѣ замѣчательныя сооруженія. Они служатъ не только для

(¹) Или Куны-Дарья.

(²) Изъ историческаго очерка мы увидимъ, что теченіе по немъ прекратилось не ранѣе XVI вѣка.

орошения, — многие изъ нихъ въ тоже время представляютъ собою прекрасные пути сообщенія въ странѣ, гдѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о сколько нибудь сносной сухопутной дорогѣ. Размѣры главныхъ каналовъ ханства весьма велики: Палванъ-Ата достигаетъ 100 верстъ въ длину при 50—60 шагахъ ширины, а Шаватъ даже 143 версты при ширинѣ, въ верхней части, около 200 шаговъ.

Глубина каналовъ зависитъ, конечно, отъ уровня воды въ рѣкѣ, и въ половодье бываетъ на столько велика, что каюки не могутъ идти на шестахъ. Скорость теченія вообще меньше, чѣмъ въ Аму, и не превосходить двухъ, трехъ верстъ въ часъ.

Грандіозность этихъ каналовъ невольно заставляетъ заподозрить искусственное ихъ происхожденіе. Не говоря уже о той массѣ труда, которую пришлось бы затратить для ихъ созданія народомъ, не обладающимъ никакими механическими приспособленіями, кромѣ заступа и лопаты, и никакими техническими познаніями, кромѣ своей опытности, не говоря уже обо всемъ этомъ — является вопросъ: куда же дѣвалась та масса земли, которая получалась при работахъ? Нѣкоторые каналы дѣйствительно сопровождаются высокими насыпями, обличающими ихъ искусственное происхожденіе, но эти насыпи отсутствуютъ какъ разъ въ верхнихъ и среднихъ, наиболѣе широкихъ, частяхъ главныхъ каналовъ... Надо полагать, что порядочная доля труда по созданію этихъ каналовъ приходится на долю все той же Аму-Дарьи.

Дѣйствительно, старья русла рѣки начинаются въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ современнаго; этотъ промежутокъ, очевидно, образовался изъ наносовъ у лѣваго берега при постепенномъ отступленіи Аму вправо. Отступая, она оставляла сухими боковые протоки, дающіе начало каналамъ, и населенію, для снабженія послѣднихъ водою, приходилось поддерживать теченіе въ этихъ боковыхъ протокахъ, искусственно, и постепенно присоединять ихъ къ русламъ каналовъ, которые, такимъ образомъ, и вытягивали свои головы къ востоку, слѣдуя за уходящей рѣкою. Возможно также, что, для проведенія нѣкоторыхъ каналовъ, воспользовались руслами прежнихъ небольшихъ протоковъ Сары-камышской дельты, какихъ много и въ дельтѣ современной.

При такомъ происхожденіи каналовъ становится понятнымъ ихъ извилистое теченіе, чрезмѣрная мѣстами ширина и прочія свойства, приближающія ихъ къ естественнымъ теченіямъ. Такъ, главный каналъ ханства, Палванъ-Ата, на которомъ стоитъ столица ханства г. Хива, имѣетъ видъ естественнаго протока на протяженіи около

80-ти версть до селенія Зери-Шайтанъ, а далѣе, характеръ его разомъ измѣняется: онъ становится гораздо уже и глубже, идетъ длинными прямыми колѣнами и сопровождается высокими насыпями. Туземцы также приписываютъ этому каналу сверхъестественное происхождение.

По ихъ словамъ, святой Палванъ-Ата, патронъ г. Хивы, былъ *дивана* (юродивый). Однажды, по вдохновенію свыше, онъ сѣлъ на берегу Дарьи верхомъ на свой посохъ и поѣхалъ въ глубь страны. Часть рѣки послѣдовала за святымъ, въ видѣ канала, слѣдя за всѣми изгибами слѣда отъ посоха. Такъ довель Палванъ свой каналъ до земель селенія Зери, жители котораго не пустили его дальше; тогда Палванъ-Ата обозвалъ ихъ чертями (Шайтанъ) и наложилъ на нихъ специальное проклятіе... Впослѣдствіи, чтобы снабдить водою г. Хиву, пришлось отъ Зери продолжать каналъ искусственно, почему эта часть его и сопровождается насыпями. Съ тѣхъ поръ селеніе Зери-Шайтанъ, — названіе, котораго жители очень стыдятся, а проклятіе, состоящее яко бы въ томъ, что дѣвушки этого селенія рождаются безъ признаковъ дѣвственности, какъ говорятъ тяготѣть надъ зеринцами и до сихъ поръ...

Подходя къ г. Хивѣ, каналъ Палванъ дѣлится на нѣсколько меньшихъ и теряетъ свое названіе.

Объ иригаціонномъ значеніи Палванъ-Ата можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: онъ выпускаетъ больше 50-ти магистральныхъ каналовъ, длиною отъ пяти до 30-ти версть каждый, и множество мелкихъ арыковъ; съ него пользуется водою (*нетъ воду* по туземному выраженію) населеніе въ количествѣ около 15,000 душъ, работающее въ общей сложности до 38,000 десятинъ пашень и садовъ.

Судоходное значеніе Палвана обуславливается воднымъ сообщеніемъ по немъ г. Хивы съ Аму-Дарьею.

Въ послѣднемъ отношеніи весьма важенъ также каналъ Шахъ-Абатъ (сокращенно—Шавать), связывающій между собою и съ Аму главнѣйшіе экономическіе центры ханства: гг. Ургенчъ, Ташаузъ и Илянлы.

Изъ числа иригаціонныхъ сооружений, несомнѣнно искусственныхъ, можно привести, какъ примѣръ, каналъ Шахъ-Муратъ (сокращенно—Шамратъ), берущій начало изъ средней части Дарьялыка и орошающій туркменскія кочевья. Высокія насыпи сопровождаютъ съ обѣихъ сторонъ его, сравнительно узкое и глубокое, русло. Длина его достигаетъ 80-ти версть.

Мосты на каналахъ вообще самаго примитивнаго устройства: нѣсколько огромныхъ козелъ связываются переводинами изъ криваго туранговаго (¹) лѣса; на нихъ настилаются жерди, концы которыхъ торчатъ въ разныя стороны, а сверху все заваливается хворостомъ, землею и дерномъ. О перилахъ и какихъ бы то ни было желѣзныхъ скрѣпленіяхъ не имѣютъ никакого понятія. Такіе мосты иногда раскачиваются при проходѣ арбы, но иные изъ нихъ выдерживали и нашу артилерію.

О способѣ устройства и поддержанія въ порядкѣ каналовъ можно судить по слѣдующему примѣру.

Въ 1887 г., во время пребыванія моего въ г. Хивѣ, около 4-го мая, стали приходиться донесенія, что въ низовьяхъ Шавата мало воды и ожидается неурожай. 6-го мая, ханъ командировалъ диванъ-беги Матъ-Мурада, чтобы помочь дѣлу. 12-мая я былъ проездомъ на его работахъ: нѣсколько тысячъ рабочихъ, собранныхъ съ окрестнаго населенія по натуральной повинности, трудились надъ устройствомъ новой головы канала, а 16-го мая вода была пущена по новому водоприемнику длиною въ четыре версты и шириною около 10-ти сажень, и урожай былъ спасенъ...

Очевидно, что ни о какихъ планахъ, смѣтахъ, отчужденіяхъ земли и проч. предварительныхъ работахъ при этомъ не могло быть и рѣчи: каналъ прошелъ прямо черезъ поля и сады, полоса которыхъ, шаговъ въ 300 шириною, была потоптана; но очевидно также, что при производствѣ всей этой процедуры, по принятымъ въ Европѣ порядкамъ, населеніе бѣльшей части Шавата осталось бы безъ хлѣба.

На правомъ берегу нѣтъ ни одного большаго канала, хотя иные изъ нихъ также судоходны въ верхнихъ частяхъ.

Въ дельтѣ есть только небольшіе арыки и нѣсколько несомнѣнныхъ протоковъ, приспособленныхъ для иригація, въ которыхъ теченіе поддерживается и регулируется искусственно. Главнѣйшій изъ нихъ, Кегейли, доставляетъ орошеніе четыремъ волостямъ и судоходенъ до г. Чимбая, экономическаго центра и единственнаго базарнаго пункта внутри дельты.

Всѣ каналы на зиму, по окончаніи полевыхъ работъ, закрываются помощью особыхъ приспособленій; такъ какъ, за ненадобностью для полей, некуда было бы дѣвать изъ нихъ воду, а въ февралѣ собираютъ казучей (казенные рабочіе) и приступаютъ къ чисткѣ головъ каналовъ и всего ихъ протяженія. Въ верхнихъ частяхъ, работы эти производятся только мѣстами, но низовья каналовъ чистятся сплошь.

(¹) Туранга—разнолистный тополь.

Вопросъ о старомъ, Каспійскомъ, руслѣ Аму-Дарьи и былъ именно тѣмъ вопросомъ, который привлекалъ на Хорезмъ вниманіе изслѣдователей всѣхъ странъ. Смутныя показанія древнихъ писателей объ отклоненіяхъ русла этой рѣки отъ одного моря къ другому и обратно, при почти полномъ отсутствіи географическихъ познаній о бассейнѣ Аму и при недоступности таинственнаго Хорезма, заставляли ученыхъ теряться въ догадкахъ. На старинныхъ картахъ Аму-Дарья обыкновенно показывалась впадающею въ Каспійское море, а о самомъ существованіи Аральскаго не имѣли никакого понятія, и Петромъ Великимъ впервые было повѣдано міру, что Аму-Дарья впадаетъ не въ Каспій, а въ Араль, и что Каспійскій рукавъ ея, знаменитый Узбой, представляетъ собою сухое русло.

Причиною поворота долго считалось сооруженіе какой-то плотины, которая яко бы заградилъ рѣкѣ старое русло и заставила ее течь на сѣверъ. Отъ Хивинскаго похода ждали разъясненія этого обстоятельства, а иные и осуществленія завѣта, даннаго Петромъ Великимъ князю Бековичу Черкасскому въ 1717 году, «...плотину разорить, воду Аму-Дарьи рѣки накіе обратитъ въ старый токъ... понеже злыо нужно». Немедленно послѣ покоренія ханства была снаряжена экспедиція для разысканія этой таинственной плотины, но... никакой плотины не нашлось; оказалось вмѣсто того, что старое русло, найденное въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса, не составляетъ одного цѣлага съ знаменитымъ Узбоемъ, а отдѣлено отъ него обширною котловиною, съ небольшимъ соленымъ озеромъ Сарыкамышемъ. Не найдя плотины, пришлось отказаться отъ предположенія объ искусственномъ поворотѣ Аму и признать, что она измѣнила свое русло естественнымъ путемъ. Когда это стало извѣстно, то было высказано столько предположеній и построено столько гипотезъ для объясненія этого явленія, что скоро, какъ говорится, за деревьями не стало видно лѣса. Всѣ эти гипотезы страдали однимъ главнымъ недостаткомъ: они основались на полномъ незнаніи Аму-Дарьинскаго бассейна и потому, естественно, не могли нечего выяснитъ. Вопросъ сталъ уже терять свой жгучій интересъ, какъ на несчастье случился знаменитый «естественный поворотъ» Аму въ Каспій въ 1878 г. Говорю на несчастье потому, что, не будь его, вопросъ былъ бы разъясненъ географическими изслѣдованіями; но тутъ корреспонденты и газеты раздули этотъ фактъ, и вотъ въ 1879 г. снаряжена была экспедиція генерала Глуховскаго для всесторонняго изслѣдованія и разъясненія вопроса о возможности поворота рѣки въ Каспій. Экспедиція, составленная исключительно изъ инженеровъ и топографовъ,

сразу задалась практическими цѣлями и стала изыскивать направление, по которому могло бы быть насильно возобновлено предполагаемое течение въ Каспій.

Однако, скоро вернулись, отправившіеся было по своему желанію съ экспедиціею, натуралисты, и стали распространять въ печати неблагоприятные слухи о производимыхъ работахъ. Правы они были или нѣтъ—вопросъ не выясненный, но дѣло въ томъ, что экспедиція, закончившаяся въ 1882 году, до сихъ поръ не обнародовала результатовъ своихъ работъ, которые, конечно, дадутъ драгоценные матеріалы для разъясненія аму-дарьинскаго вопроса и физическаго устройства бассейна этой рѣки вообще.

За неимѣніемъ ихъ приходится пока довольствоваться свѣдѣніями лицъ, для которыхъ изученіе старыхъ русель Аму-Дарьи не составляло прямой задачи. Однако, можно уже считать выясненнымъ окончательно:

1) Что уровень Аральскаго моря превышаетъ уровень Каспійскаго на 35 сажень.

2) Что Узбой не составляетъ непосредственнаго продолженія старыхъ русель, существующихъ въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса.

3) Что начало его отдѣлено отъ оконечностей этихъ русель обширною Сарыкамышскою котловиною, площадь которой простирается по инымъ до 10,000, а по другимъ даже до 30,000 квадратныхъ верстъ, а уровень озера Сары-Камыша около семи сажень ниже уровня Каспія.

4) Что котловина эта отдѣлена отъ Каспія водораздѣломъ у колода Кугунекъ съ высотой 36 сажень, т. е. почти одинаковою съ уровнемъ Аральскаго моря, а отъ послѣдняго водораздѣломъ у мыса Акъ-Килинь съ высотой около 45-ти сажень.

5) Что старыя русла Дауданъ и Дарьялыкъ впадаютъ въ котловину въ видѣ дельты на высотѣ также, приблизительно, равной 36-ти саженямъ.

6) Что Узбой, по размѣрамъ своимъ, *никогда не могъ вмѣщать въ своемъ руслѣ всей Аму-Дарьи*, и что если по нему стекалъ нѣкогда изъ Сары-Камыша избытокъ водъ, за расходомъ на испареніе съ озерной площади, то избытокъ этотъ не превышалъ величины рѣки Мургаба, т. е. былъ во много разъ меньше даже Сыръ-Дарьи.

7) Что русло Узбоя прерывается тремя порогами, на которыхъ теченіе падало отвѣсными водопадами, высотой около трехъ сажень, и что, слѣдовательно, русло это никоимъ образомъ *не идетъ*, въ настоящемъ своемъ видѣ, для устройства судоходнаго пути.

8) Что кромѣ старыхъ русель Аму-Дарья въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса есть еще нѣсколько таковыхъ южнѣе. Есть основаніе полагать, что самое южное изъ нихъ проходило, во времена весьма отдаленныя (не ближе 12,000 лѣтъ назадъ), вдоль подошвы горъ, окаймляющихъ съ юга закаспійскую низменность. Но несомнѣнно существовало старое русло всей Аму-Дарья, направлявшееся сначала отъ г. Келифа, а потомъ отъ Чарджуйскаго оазиса прямо къ южному концу Сары-Камышской котловины, можетъ быть наполняя по пути еще другую, подобную же, нѣсколько восточнѣе. Это русло, извѣстное подъ именемъ Унгуза, пролегаетъ вдоль ряда отвѣсныхъ обрывовъ, совершенно подобныхъ нагорному берегу въ среднемъ теченіи Аму. Существовало оно во времена доисторическія и теченіе по немъ *прекратилось, вѣроятно, на зарѣ исторіи.*

9) Что и ниже Чарджуя есть еще русла южнѣе теперешняго, которыя приводятъ къ тѣснинѣ Тюя-Муюнъ (въ вершинѣ Питнякской луки).

10) Что *во времена историческія* Аму-Дарья *не могла* впадать по Узбою въ Каспій, и если по немъ иногда *возобновлялось* теченіе, то развѣ только весьма слабое, въ годы большой воды, когда Сары-Камышская котловина не вмѣщала въ себя всей приносимой въ нее рѣкою воды.

11) Равнымъ образомъ, что Аму-Дарья въ древности *не впадала и въ Аральское море* и никогда *не перебрасывалась* отъ Каспія къ Аралу и обратно. Прекративъ теченіе по Унгузу на зарѣ исторіи, она до XVI столѣтія непрерывно впадала въ Сары-Камышскую котловину, послѣ чего, подъ влияніемъ постояннаго стремленія вправо (которое замѣтно въ ней и теперь), прорвала отроги горъ Султанъ-Уизъ-дагъ и пробила себѣ путь въ Аральскую котловину. Сары-Камышскія устья затѣмъ постепенно пересохли, хотя временами теченіе въ нихъ возобновлялось, какъ это случается и въ наше время въ годы большой прибыли воды.

12) Что паденіе бассейна Аму на западъ *превышаетъ* паденіе на сѣверо-западъ, и теченіе по Унгузу было сильнѣе, чѣмъ теченіе по современному руслу; но стремленіе Аму-Дарья вправо настолько сильно, что она, какъ это ни кажется абсурдно, *не течетъ по линіи наибольшаго паденія*, а постоянно забирается правымъ берегомъ вверхъ по наклонной плоскости, отлагая у лѣваго естественную плотину изъ своихъ осадковъ. Обстоятельство это доказывается желѣзнодорожными нивелировками по линіямъ: Мервь—Бурдалыкъ—Карши и Мервь—Чарджуй—Бухара, такъ какъ мѣстность по этимъ

лишиямъ представляетъ постоянный подъемъ отъ Унгуза въ сторону теперешняго русла и далѣе къ сѣверу, причемъ *высота низкаго уровня воды въ рѣкѣ у Бурдалыка и Чарджуя на 8—5 сажень превышаетъ уровень Келифскихъ старыхъ русель.*

Въ виду такихъ данныхъ, добытыхъ изслѣдователями Аму-Дарьинскаго бассейна, становится очевиднымъ, что объ искусственномъ поворотѣ рѣки къ Каспію не можетъ быть и рѣчи. Преградить плотиною современное русло, очевидно, невозможно; если же открыть рѣкѣ одно изъ ея старыхъ русель, то она не пойдетъ въ него вся по тому же самому, почему она его покинула, прорвавъ себѣ современное. Впрочемъ, если бы и была возможность преградить современное русло, то это было бы связано съ потерей для культуры почти всего Хивинскаго оазиса, на которомъ живетъ слишкомъ многочисленное населеніе, чтобы имъ можно было пожертвовать для установленія судоходнаго пути изъ Каспія въ Среднюю Азію.

Въ настоящее время оказывается, однако, что проектъ *поворота* Аму въ Каспій оставленъ и генераломъ Глуховскимъ. Въ сообщеніи своемъ въ обществѣ для содѣйствія промышленности и торговли, въ 1889 году, генераль Глуховской объявилъ, что комисіей выработаны два проекта, но *не поворота, а устройства судоходнаго пути* изъ Аму въ Каспій:

- 1) Посредствомъ направленія части водъ Аму по Дарьялыку для заполненія Сары-Камышской котловины и далѣе по Узбою въ Каспій, и
- 2) Посредствомъ устройства канала, въ обходъ этой котловины, отъ оконечности стараго русла Дауданъ въ Узбой, на протяженіи 78-ми верстъ, и далѣе по Узбою.

Стоимость перваго проекта исчисляется въ 15.000,000 рублей, причемъ на выполненіе его потребуется отъ 15-ти до 17-ти лѣтъ (а по расчетамъ другихъ лицъ не меньше 40 лѣтъ). Стоимость втораго проекта, считаемаго вообще болѣе удобнымъ, 27.000,000 руб. При обоихъ проектахъ потребуется взять отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{10}$ всего количества воды, несомой Аму-Дарью, что не нарушитъ экономическаго положенія Хивинскаго оазиса.

Не сомнѣваясь нисколько въ цифрахъ и выводахъ комисіи и въ осуществимости проектируемыхъ ею работъ, посмотримъ, что должно случиться, когда новый путь будетъ открытъ, хотя бы по второму проекту, признаваемому выгоднѣйшимъ.

Такъ какъ на устройство его пойдетъ только часть несомой рѣкою воды, и притомъ меньшая часть, то главное русло останется на теперешнемъ мѣстѣ. Новая рѣка не будетъ также обладать и болѣе

шею скоростью, чѣмъ Аму-Дарья, напротивъ, верхняя часть ея, которую составитъ каналъ Шавать, будетъ имѣть скорость меньшую, такъ какъ въ Шаватѣ она не велика. Словомъ, рѣка эта будетъ находится въ такихъ же искусственныхъ условіяхъ существованія, какъ всѣ главные каналы ханства. Также какъ въ каналахъ истокъ ея, находясь въ лѣвомъ берегу, будетъ постоянно заноситься осадками и потребуеть ежегодной чистки, безъ чего существованіе ея прекратится года въ два, три. Какъ и въ капалахъ, русло этой искусственной рѣки потребуеть также ежегодной чистки, на чтѣ въ ханствѣ ежегодно употребляется свыше 20,000 рабочихъ по натуральной повинности. Но каналы для чистки закрываютъ на зиму; неужели же возможно ежегодно закрывать и открывать рѣку, равную по величинѣ Сыръ-Дарьѣ? И кто же будетъ чистить эту рѣку, длиною въ 1,000 верстъ, протекающую бѣльшею частью по совершенно безплодной пустынѣ? Вѣдь нельзя же заставить населеніе оазиса чистить ненужную ему рѣку; да на это не хватило бы и всѣхъ казенныхъ рабочихъ, выставляемыхъ ежегодно ханствомъ. О чисткѣ землечерпательными машинами, конечно, не можетъ быть и рѣчи, потому что это потребовало бы несообразнаго ежегоднаго расхода.

Не будучи знакомъ въ подробностяхъ съ проектомъ генерала Глуховскаго, я не знаю, какъ разрѣшаются въ немъ эти вопросы, но очевидно, что искусственное поддерживаніе судоходности, или хотя бы только существованія, такой огромной рѣки едва-ли не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго. Не пройдетъ нѣсколько лѣтъ и рѣка эта обратится въ такое же старое русло, какимъ стали въ свое время Дауданъ и Дарьялыкъ, а миліоны окажутся погребенными въ пустынѣ...

Впрочемъ, вопросъ объ устройствѣ *искусственнаго судоходнаго пути* въ сущности не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о *поворотѣ* Аму въ Каспій, несчастная мысль о которомъ, очевидно, оставлена. Я говорю «несчастная» потому, что самая идея поворота есть, конечно, не болѣе, какъ плодъ историческаго недоразумѣнія, вызваннаго смутными разсказами и неточными переводами древнихъ писателей объ устройствѣ жителями Хорезма плотинъ на старомъ руслѣ рѣки.

Пока считали, что все дѣло въ плотинѣ—идея поворота имѣла разумное основаніе. При отсутствіи почти всякихъ свѣдѣній объ Аму-Дарьѣ, намъ совершенно понятны державныя слова Петра въ наказѣ князю Бековичу-Черкасскому, но теперь мысль эта, какъ она ни привлекательна, конечно, должна быть сдана въ архивъ.

Очевидно, что если бы не было историческаго недоразумѣнія о таинственной плотинѣ, то и не явилась бы идея о поворотѣ Аму въ Каспій, какъ никому не приходится въ голову *поворачивать* Волгу въ Черное море, что едва-ли не болѣе осуществимо, чѣмъ заставить Аму течь въ Каспій.

Но если невозможно установить водное сообщеніе Аму съ Каспиемъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы не стоило хлопотать объ обводненіи старыхъ русель ея въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса, съ цѣлью увеличенія культурной поверхности, когда въ этомъ будетъ надобность. Руслу эти носятъ на себѣ очевидные слѣды когда-то обширныхъ ирригаціонныхъ системъ, которымъ они давали начало, и окружены огромными пространствами вполне пригодной для культуры почвы. Снабдить ихъ водою, или, вѣрнѣе, усилить притокъ въ нихъ воды, и теперь наполняющей въ видѣ разливовъ значительную часть этихъ русель, очевидно, возможно, а поддержать въ нихъ небольшое теченіе, достаточное для наполненія старыхъ и новыхъ ирригаціонныхъ каналовъ, дѣло легко осуществимое.

Уже одно увеличеніе притока воды въ Дарьялыкъ и расчистка каналовъ Шамрата, Сипаи и Мехтеръ-Яргана (отчасти уже предпринятая въ ханствѣ) дала бы для культуры огромное пространство прекрасной, несолоноватой почвы. Установленіе теченія по Куня-Дарьѣ до Сары-Камыша позволило бы возобновить и другіе каналы, берущіе начало изъ этого стараго русла, что опять-таки значительно увеличило бы производительную поверхность оазиса. Урегулированіе и поддержаніе теченія самыхъ лѣвыхъ протоковъ дельты: Шуманая и Кіятъ-Джаргана, несущихъ воду въ Айбугирскіе разливы, и приспособленіе для ирригаціи Талдыка, увеличить производительную поверхность на сотни тысячъ десятинъ.

Возобновленіе ирригаціонныхъ системъ, берущихъ начало изъ болѣе древняго стараго русла Даудана и Чермень-Яба, увеличить площадь оазиса едва-ли не вдвое, и, хотя потребуетъ, конечно, гораздо болѣе большихъ расходовъ, чѣмъ на перечисленные выше работы, но во всякомъ случаѣ неизмѣримо меньшихъ, чѣмъ на мертворожденные проекты сухоходныхъ путей въ Каспій.

Что касается собственно усиленія притока воды въ Дарьялыкъ, то оно не только полезно въ видахъ развитія Шамрата и другихъ запущенныхъ большихъ каналовъ, но даже необходимо, ради сохраненія, или хотя отсрочки гибели праваго берега Аму. Если бы вмѣсто того, чтобы затыкать гигантскою плотиною прорывъ Аму-Дарья въ Бій-Базарскую волость, подготовили избытку водъ въ разливъ

свободный стокъ въ Дарьялыкъ, Бій-Базарская волость, вѣроятно, не была бы затоплена. Но дѣло въ томъ, что, при существующемъ порядкѣ, наша администрація, управляющая правымъ берегомъ, крайне затруднена въ принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ на лѣвомъ, принадлежащемъ хивинскому хану, а послѣдній нисколько не заинтересованъ спасеніемъ волостей праваго берега: населеніе, потерявшее тамъ свои пашни, скорѣе всего перейдетъ на противоположный, лѣвый, и увеличить число ханскихъ плательщиковъ.

Это разъединеніе власти на обоихъ берегахъ Аму-Дарьи крайне вредно отражается на экономическомъ благосостояніи всѣхъ частей оазиса, но, разумѣется, соединеніе ихъ подъ однимъ управленіемъ — вопросъ только времени.

Но когда это соединеніе будетъ установлено, не слѣдуетъ забывать, что съ Аму-Дарьею шутить нельзя. Она, какъ строптивый, нервный конь, будетъ послушной работницей въ строгихъ, но умѣлыхъ рукахъ, и совершенно отобьется отъ рукъ, перестанетъ работать и разрушить все на своемъ пути при неумѣломъ управленіи ею. Продолжая сравненіе съ конемъ, я скажу, что насильственными мѣрами, какъ и жестокостью со строптивымъ конемъ, съ ней ничего не подѣлаешь: нельзя только затыкать тѣ мѣста, куда нежелательно, чтобы она шла; но если дать ей свободный ходъ, не противный ея природѣ, Аму-Дарью всегда можно сдержать въ должныхъ границахъ и даже, въ значительной степени, управлять ея теченіемъ.

Физическая природа Хивинскаго оазиса открываетъ ему возможность блестящаго процвѣтанія въ будущемъ; пески, окружающіе его со всѣхъ сторонъ, совершенно не страшны этому благодатному уголку; Аму-Дарья несетъ массу воды, съ избыткомъ достаточную для увеличенія его культурной поверхности въ произвольныхъ размѣрахъ; въ остаткахъ древнихъ ирригаціонныхъ сооруженій имѣется почти готовое средство для увеличенія орошенія, а горы Султанъ-Уизъ-дагъ крѣпко стерегутъ Аму-Дарью и не позволяютъ ей покинуть оазисъ.

Для того, чтобы далеко превзойти золотой вѣкъ Хорезма, оазису не хватаетъ: во-первыхъ, населенія, а, во-вторыхъ, соотвѣтствующаго управленія. Но за населеніемъ въ Россіи дѣло не станетъ, а чтобы управлять успѣшно Аму-Дарьею — жизненною артеріей края, необходимо, прежде всего, тщательное изученіе ея свойствъ и затѣмъ соотвѣтствующая постановка власти...

Какъ ни высоко стоятъ европейскіе порядки, въ сравненіи съ мусульманскими, но въ нихъ есть и кое-что неподходящее для Сред-

ней Азіи, а для Хивинскаго оазиса могущее оказаться и гибельнымъ. Возьмемъ, рассказанный выше, случай съ проведеніемъ новой головы для канала Шавата. Существоуй въ Хивѣ право частной собственности на землю, канцелярскіе порядки и производство работъ съ торговь, нельзя было бы, черезъ 12 дней послѣ возникновенія надобности, создать новый каналъ, длиною въ четыре версты, и спасти десятки тысячъ десятинъ отъ неурожая, потоптавъ при этомъ сравнительно ничтожное количество пашень и уничтоживъ 5—6 дворовъ. Пришлось бы составлять проекты, испрашивать Высочайшее разрѣшеніе на отчужденіе земли, назначать торги и т. д. Очевидно, о спасеніи урожая того же года не могло бы быть и рѣчи, а къ слѣдующему году, въ случаѣ небольшого измѣненія въ руслѣ рѣчки, можетъ быть новая голова канала оказалась бы ненужной, или потребовалось бы вести ее въ другомъ мѣстѣ...

Единство въ завѣдываніи пригаціей всего оазиса и огромныя права мѣстной администраціи являются необходимыми условіями существованія оазиса, а если мы, принявъ на себя управленіе ханствомъ, станемъ примѣнять къ нему законы, общіе для всей Россіи, то можемъ оказаться свидѣтелями, какъ правовыи порядокъ погубить культуру страны, просуществовавшей, а временами и процвѣтавшей, 3,000 лѣтъ безъ писаныхъ законовъ.

Генеральнаго штаба капитанъ Стеткевичъ.

(Окончаніе будетъ).

ВОЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

132981/

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1892

МАРТЪ

№ 3

~~305~~
~~200~~

ОЧЕРКИ ХИВИНСКАГО ОАЗИСА.

(Окончаніе) (*).

Историческій очеркъ. Хивинское ханство, занимающее большую часть Хивинскаго оазиса, теперь одно изъ самыхъ ничтожныхъ полу-независимыхъ владѣній Средней Азіи—въ древности играло очень важную роль. Нѣкоторое время оно было даже первенствующимъ и самымъ обширнымъ государствомъ въ Средней Азіи; но было и такое время, когда этотъ небольшой оазисъ раздроблялся на нѣсколько независимыхъ частей. Несмотря, однако, на всѣ перевороты, Хива отличалась замѣчательной живучестью и почти никогда не утрачивала *вполнѣ* своей самостоятельности.

Условія мѣстности: трудно-проходимыя пустыни, окружающія оазисъ, вполнѣ объясняютъ это явленіе; они нѣсколько разъ избавляли страну отъ нашествія враговъ, въ томъ числѣ и русскихъ въ 1717 и 1839 годахъ, но за то они же сдѣлали Хивинскій оазисъ, въ послѣднее время его самостоятельности, разбойничьимъ гнѣздомъ на страхъ и разореніе сосѣдямъ.

Такое положеніе дѣлъ окончилось съ Хивинскимъ походомъ, но въ странѣ, которую Россія получила въ наслѣдіе, осталось къ тому времени отъ бываго процвѣтанія только одно названіе *Хорезмъ*, которое, съ различными оттѣнками въ произношеніи, придавали странѣ и греки, и персы, и арабы, и китайцы. Впрочемъ, теперь и названіе это офиціально не употребляется болѣе, хотя все еще красуется на монетахъ Хивинскаго хана.

Начало гражданственности въ Хорезмѣ теряется въ глубокой древности: эра, отъ которой здѣсь велось лѣтосчисленіе, начиналась за 1292 года до Р. Х., но свѣдѣнія о древнѣйшей исторіи Хорезма настолько скудны, что ихъ не стоитъ и перечислять. Также вскользь

(*). См. «Военный Сборникъ» 1892 г., № 2-й.

упоминають о Хорезмѣ и греческіе писатели временъ Александра Македонскаго.

Китайскіе писатели даютъ нѣсколько больше подробностей. Они подтверждаютъ, что древнѣйшее населеніе Хорезма принадлежало къ арійскому племени, и перечисляютъ также кочевые народы, которые въ то время періодически дѣлали нашествія на осѣдлое населеніе Маверанагра ⁽¹⁾ и доходили до Хорезма, не мѣняя, однако, существовавшаго тамъ государственнаго строя.

Также поступили и тюрки, которые, завоевавъ все Междурѣчье, только въ Хорезмѣ оставили царствовавшую тамъ династію, государи которой назывались *Шахія*.

Въ VII вѣкѣ по Р. Х., т. е. въ первомъ вѣкѣ мусульманскаго лѣтосчисления, Хорезмъ былъ завоеванъ арабами, но и при нихъ Хорезмъ-шахи удержались въ странѣ, даже не сразу принявъ исламъ, какъ показываютъ имена четырехъ правившихъ затѣмъ шаховъ. Впрочемъ, владычество арабовъ въ Средней Азіи было вообще непрочное; они не образовали здѣсь ни одного цѣльнаго государства и потомки ихъ разсѣяны небольшими поселеніями, совершенно утративъ признаки національности.

Независимость Хорезма отъ багдадскихъ халифовъ возстановилась уже въ концѣ IX вѣка, когда Маверанагръ подпалъ подъ власть династіи саманидовъ, ведшей свое происхожденіе отъ погонщика верблюдовъ Самана.

Вѣкъ саманидовъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ золотымъ вѣкомъ Хорезма. Путешественники того времени упоминаютъ въ немъ нѣсколько большихъ, укрѣпленныхъ городовъ, въ числѣ которыхъ, по именамъ, можно узнать Хазараспъ, Хиву и Ургенчъ. Обширная торговля велась тогда хорезмійскими купцами черезъ Россію со всей Европой. Даже Несторъ купилъ бумагу для своей лѣтописи у *Харьяскаго*, т. е. хорезмсакаго купца. Съ паденіемъ саманидовъ въ XI вѣкѣ пала и торговля, которой они покровительствовали, а занятіе Бухары и Самарканда тюрками окончательно убило ее.

Завоеванія арабовъ въ Маверанагрѣ привели ихъ къ столкновеніямъ съ кочевниками тюрками, которыхъ, въ качествѣ рабовъ, вводили въ города Халифата. Тамъ, попадая въ гвардію халифа, которая скоро стала играть роль преторьянцевъ, они достигали высокаго положенія и часто получали мѣста губернаторовъ, гдѣ скоро дѣлались самостоятельными.

(1) Маверанагръ, т. е. Междурѣчье—пространство между Сырь и Аму-Дарьей.

Такъ возникла въ провинціи Газна династія газневидовъ, подчинившая себѣ и Хорезмъ въ началѣ XI вѣка, а затѣмъ въ Хоросанѣ династія сельджукидовъ, родоначальникъ которой Сельджукъ былъ въ молодости перевозчикомъ на Аму-Дарьѣ. Сельджукиды покорили Хорезмъ въ 1042 году и правили имъ ровно 100 лѣтъ, т. е. до 1142 года, когда намѣстникъ Атсизъ, начавшій свою карьеру подавателемъ умывальника при мервскомъ султанѣ Санджарѣ, объявилъ себя независимымъ и, выдержавъ въ г. Хазараспѣ неудачную осаду Султанъ-Санджара, основалъ въ Хорезмѣ новую династію, государи которой, въ подражаніе прежнимъ независимымъ повелителямъ Хорезма, стали называть себя Хорезмъ-шахами.

При преемникахъ Атсиза роли перемѣнились и Хорезмъ сталъ быстро расширяться на счетъ своихъ сосѣдей: Хоросана, Персіи и Бухары. Правнукъ Атсиза, Аллаединъ-Мухамедъ присоединилъ къ Хорезму Самаркандъ и Отрарь, а въ 1215 году Газна добровольно признала свою зависимость отъ него.

Чтобы обрисовать вышнее значеніе Аллаедина, можно прибавить, что онъ даже предпринялъ было походъ на Багдадъ, а когда выпавшій слѣгъ заставилъ его вернуться, то запретилъ поминать въ мечетяхъ имя халифа, что служило выраженіемъ номинальной независимости.

Дворъ Хорезмъ-шаха отличался при Аллаединѣ необыкновеннымъ блескомъ. Служить ему считали за честь князья, имъ же лишенные владѣній. Каждый день при восходѣ и закатѣ солнца 27 такихъ государей должны были бить зорю на 27-ми золотыхъ барабанахъ. Порядокъ водворился въ Средней Азіи и торговля, упавшая съ половины XI вѣка, стала вновь процвѣтать. Казалось, вернулся вѣкъ саманидовъ, золотой вѣкъ Хорезма, но нашествіе монголовъ подавило развитіе страны, а затѣмъ господство узбековъ низвело ее на степень ничтожнаго государства.

Столкновенія съ монголами начались по завоеваніи Самарканда и Отрара, когда владѣнія Хорезмъ-шаховъ оказались въ близкомъ сосѣдствѣ съ владѣніями Чингизъ-хана, а Алладинъ отнесся къ возникшимъ сношеніямъ враждебно. Караванъ, отправленный Чингизомъ, былъ задержанъ въ Отрарѣ, а купцы, его сопровождавшіе, были убиты. Чингизъ потребовалъ удовлетворенія, но его посоль былъ также убитъ, а двоимъ его спутникамъ обрили бороды и отпустили ихъ домой.

Чингизъ двинулся на Хорезмъ въ 1219 г.; Алладинъ, избѣгая рѣшительнаго сраженія, разставилъ свою, будто бы 400,000-ную

армію по городамъ, а самъ держался въ сторонѣ. Когда армія была разбита по частямъ, Аллаединъ бѣжалъ, преслѣдуемый Субботаемъ и Джебе, и умеръ на одномъ изъ острововъ Каспійскаго моря.

Эти Субботай и Джебе были тѣ самые, которые затѣмъ черезъ Кавказъ пришли въ южную Русь и разбили русскихъ князей при Калкѣ.

Такъ плачевно окончилъ свое поприще Аллаединъ-Мухамедъ, расширившій границы своихъ владѣній до размѣровъ, неслыханныхъ въ лѣтописяхъ Хорезма ни до, ни послѣ него. Окончательно Хорезмъ былъ покоренъ сыновьями Чингиза; Ургенчъ, тогдашняя столица ханства, былъ разрушенъ и жители его вырѣзаны, за исключеніемъ женщинъ, дѣтей и ремесленниковъ, уведенныхъ въ неволю.

Послѣ смерти Чингизъ-хана Хорезмъ, вмѣстѣ съ Русью, достался роду старшаго сына его Джучи и, въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, оставаясь подъ властью джучидовъ, успѣлъ достигнуть опять цвѣтущаго состоянія, но въ 1370 г. начинаются походы на Хорезмъ Тимура. Въ четвертый изъ этихъ походовъ въ 1379 г. Ургенчъ былъ взятъ и разграбленъ, а въ слѣдующемъ году Тимуръ окончательно уничтожилъ городъ. По преданію, Тимуръ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, ежедневно рѣзалъ по 1,000 человекъ жителей Ургенча, а затѣмъ, на мѣстѣ города, посѣялъ ячмень. Развалины Ургенча, среди которыхъ сохранились только огромный минаретъ, да двѣ мечети, свидѣтельствуютъ о минувшемъ великолѣпнн города, а почва между развалинами до такой степени пропитана селитрою, образовавшеюся отъ труповъ его избитыхъ жителей, что изъ двухъ возовъ этой почвы вывариваютъ до 3-хъ пудовъ селитры, что и составляетъ теперь предметъ промысла. Впрочемъ, три года спустя, опустошенный Хорезмъ былъ вновь отстроенъ по приказанію Тимура, причемъ были возведены стѣны городовъ Кята и Хивы и возобновленъ Ургенчъ, въ разстояніи одной версты отъ стараго, но никогда уже онъ не достигалъ въ послѣдствіи и тѣни прежняго процвѣтанія.

Подъ властью тимуридовъ Хорезмъ оставался до половины XV в., т. е. до завоеванія страны узбеками.

Происхожденіе слова *узбекъ* не выяснено окончательно. Профессоръ Веселовскій, изъ диссертациі котораго я, главнымъ образомъ, заимствую свѣдѣнія по исторіи Хорезма, объясняетъ его такимъ образомъ: узбекъ значитъ буквально *самъ господинъ*, т. е. человекъ, никому не подчиненный; этимъ именемъ впервые стали называть мусульманскіе писатели XV вѣка вольницу изъ кочевыхъ племенъ

тюркской крови, населявшихъ теперешнюю киргизскую степь и часто производившихъ набѣги на Маверанагръ, почему и самая степь стала называться *Узбекистаномъ*. Выходцы изъ недовольныхъ узбековъ, нашедшіе себѣ пріютъ въ Моголистанѣ, т. е. въ Семирѣчьи, стали называться *казакками*, что, по объясненію профессора Веселовскаго, значитъ: *человѣкъ, свободный какъ птица* (не знаю, впрочемъ, на какомъ это языкѣ).

Въ половинѣ XV столѣтія казакки образовали союзъ, къ которому въ послѣдствіи пристали частью цѣлые роды узбековъ, частью нѣкоторыя колѣна этихъ родовъ. Отсюда и произошло то явленіе, что среди казакковъ, которыхъ русскіе окрестили киргизами, встрѣчается много родовъ, носящихъ одинаковыя названія съ узбекскими.

Такимъ образомъ, оказывается, что узбеки и киргизы, въ сущности, одно и тоже племя и теперешнее различіе ихъ обуславливается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что среди киргизъ замѣчается въ большой степени примѣсь монгольской крови, причѣмъ названіе казакковъ или киргизъ осталось преимущественно за родами, сохранившими до сего времени кочевой бытъ, тогда какъ узбеки болѣею частью стали уже осѣдлыми.

Абуль-Хаиръ-ханъ, правнукъ Чингиза въ десятомъ колѣнѣ, былъ первымъ изъ узбекскихъ хановъ, предпринявшимъ походъ на Хорезмъ. Внукъ его, Шейбани, завоевалъ было всю страну, но палъ въ 1510 году въ столкновеніи съ шахомъ Измаиломъ-Суфи въ битвѣ при Мервѣ. Хорезмъ достался шаху персидскому Измаилу, правленіемъ котораго коренные жители страны, т. е. *сарты*, родственные персамъ по происхожденію, были довольны, но партія духовенства, недовольная господствомъ шиитовъ, подняла возстаніе и пригласила изъ стени племянника Шейбани-Ильбарса, который не замедлилъ прибыть со своими родичами и скоро изгналъ персовъ изъ Хорезма.

Вслѣдъ затѣмъ, узбеки родовъ: кіятъ, кунградъ, уйгуръ, найманъ, канглы, кипчакъ, нукузъ и мангытъ, т. е. тѣхъ, которые и теперь преобладаютъ въ оазисѣ—наводнили страну, а за ними потянулись еще и еще узбеки.

Послѣ смерти Ильбарса, Хорезмъ былъ подѣленъ на удѣлы между его сыновьями и племянниками, что не замедлило вызвать междоусобія, которыми воспользовался бухарскій эмиръ Убей-дулла и на нѣсколько лѣтъ покорилъ себѣ Хорезмъ. Слѣдующій эмиръ, знаменитый Абдулла, также облагалъ Хорезмъ данью, но черезъ четыре года въ концѣ XVI вѣка оазисъ опять сталъ самостоятельнымъ.

Въ 1603 году Ургенчъ подвергся первому нападенію яицкихъ

казаковъ, которые, послѣ удачнаго похода, были, однако, истреблены на обратномъ пути. Вторая попытка казаковъ кончилась также неудачно.

XVII столѣтіе представляетъ смутное время въ исторіи Хорезма, когда страна раздиралась междоусобіями, въ которыхъ, по приглашенію одного изъ претендентовъ, приняли участіе туркмены, кочевавшіе къ югу отъ оазиса. Выдающимся ханомъ былъ за это время Абуль-Гази, извѣстный и какъ писатель. Онъ изгналъ туркменовъ и билъ ихъ даже на Атрекѣ.

Изъ книги Абуль-Гази мы узнаемъ, что въ XVI вѣкѣ окончательно прекратилось *постоянное* теченіе Аму-Дарьи въ Хорезмійское озеро, т. е. въ Сары-камышскую котловину.

Завоеваніе Хорезма узбеками имѣло для этой несчастной страны еще болѣе гибельныя послѣдствія, чѣмъ на Руси монгольское иго. Узбеки внесли въ страну прежде всего свое родовое начало, результатомъ котораго было раздѣленіе на удѣлы и постоянныя междоусобія. Власть хана понизилась при этомъ до такой степени, что въ послѣдующій періодъ мы увидимъ хановъ уже въ роли почетной куклы, на которую даже приходилось искать претендентовъ извнѣ.

Какъ кочевники, узбеки смотрѣли съ пренебреженіемъ на прежнихъ осѣдлыхъ жителей страны и слово «*сартъ*» даже сдѣлалось браннымъ. Занятіе сартовъ, земледѣліе, считалось узбеками униженнымъ и потому весь трудъ остался въ рукахъ сартовъ и производительность страны упала. Чтобы пополнить недостатокъ рабочихъ рукъ, явилась потребность въ рабахъ, и вотъ почему нигдѣ въ Средней Азіи рабство не развилось въ такой степени, какъ въ Хивѣ.

Такимъ образомъ, родовое начало, съ удѣльной системой и постоянными междоусобіями, паденіе ханской власти и рабство, — вотъ что внесли съ собою узбеки въ цвѣтущую нѣкогда страну. Понятно, что они могли только разорить Хорезмъ и постепенно низвели его до степени ничтожнаго государства, ханы котораго, для пополненія своей казны, стали предпринимать набѣги на сосѣдей...

Съ начала XVIII столѣтія Хорезмъ постепенно приходилъ въ болѣе и болѣе тѣсныя соприкосновенія съ Россіей. Уже въ 1700 г. ханъ, назначенный бухарскимъ эмиромъ, желая освободиться отъ этой зависимости, принялъ подданство Россіи, но, конечно, подданство это было только номинальнымъ, и хотя оно подтверждалось Петромъ Великимъ новому хану въ 1703 г., но не помѣшало ему избить отрядъ Бековича-Черкаскаго въ 1717 году.

Въ теченіе всего XVIII столѣтія упадокъ Хорезма продолжался.

Съ 1740 г. Хива подпадетъ подъ власть персидскихъ шаховъ; въ дельтѣ Аму образуется самостоятельное аральское ханство и начинается самое смутное время, которое мрачными красками очерчивается посольствомъ Гладышева и Муравина въ 1741 году. Отъ хановъ, потерявшихъ всякое значеніе, власть переходитъ къ *инакамъ*, игравшимъ при ханахъ роль палатныхъ мэровъ французскихъ мервинговъ. Это привело къ тому, что въ началѣ текущаго столѣтія Инакъ Ильтазаръ свергнулъ хана Абуль-Гази V и провозгласилъ себя ханомъ. Однако, послѣ его смерти опять начались междоусобія, которыя прекращены были въ 1810 г. Мухамедъ-Рахимъ-ханомъ. Вступивъ на престолъ, онъ: 1) истребилъ своихъ 11 братьевъ; 2) усмирилъ свосвольныхъ узбековъ, сравнивъ ихъ во многомъ съ сартами, и 3) совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ на сосѣдей. Результаты этихъ мѣръ не замедлили сказаться: въ ханствѣ водворился порядокъ и Хива стала приобрѣтать большое вліяніе на нашихъ киргизовъ.

Посольство Муравьева въ 20-хъ годахъ хотя не принесло никакихъ положительныхъ результатовъ, но дало обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи въ Хивѣ русскихъ плѣнныхъ, и вопросъ о нихъ становится первенствующимъ въ послѣдующихъ сношеніяхъ Россіи съ Хивой. Но весь зародышъ значенія Хивы заглохъ опять при слѣдующемъ правителѣ Алла-Куль-ханѣ. Обострившійся вопросъ о русскихъ плѣнныхъ привелъ къ походу на Хиву въ 1839 году. Несмотря на неудачу похода, изъ Хивы выслали въ Оренбургъ 428 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ и торговля на нѣкоторое время стала безопаснѣе.

Въ 1842 году посольство Данилевскаго заключило съ Хивой новый договоръ, по которому Хива обязалась не брать русскихъ въ плѣнъ, но, конечно, и этотъ договоръ остался мертвой буквой и только доказалъ еще разъ, что никакіе договоры не имѣютъ цѣны въ Средней Азіи. Вѣроятно, какъ результатъ этого сознанія, явилась постройка нами опорныхъ укрѣпленій въ степи: въ 1847 году былъ построенъ фортъ Раймъ у устья Сыръ-Дарьи, а въ 1851 г. — Ново-Петровское укрѣпленіе на Мангышлакѣ. Однако, хотя Россія и стала такимъ образомъ, твердой ногой на восточныхъ берегахъ Аральскаго и Каспійскаго морей, но грабежи этимъ не прекратились, а безрезультатность слѣдующаго посольства, въ 1858 г., очевидно доказала, что только занятіемъ самой Хивы можетъ быть смирено это разбойничье гнѣздо...

Внутри оазиса, правившій тамъ въ это время, Медеминъ-ханъ

занимался продолженіемъ къ западу большихъ каналовъ ханства и устройствомъ таковыхъ на правомъ берегу Аму, но со смертію его, въ походѣ на Серахсъ въ 1855 г., въ Хивѣ опять начинается хаосъ.

Оазисъ распадается въ это время на три отдѣльныя части: отъ Хивы, гдѣ своевольничали туркмены и ханы смѣнялись одинъ за другимъ, отдѣлились: Кунградскій округъ, гдѣ управлялъ Магометъ-Пана-ханъ, и Чимбайскій, т. е. дельта, гдѣ надъ каракалпаками властвовалъ нѣкоторое время Заиръ-ханъ. Это смутное время отразилось весьма печально на народномъ хозяйствѣ оазиса: заброшенные поля не засѣвались и въ 1856 г. начался голодъ; цѣна на хлѣбъ поднялась до 4 руб. за пудъ и въ населеніи явилась какая-то повальная эпидемія...

Сеидъ-Магометъ-ханъ, вступивъ въ слѣдующемъ году на престолъ, крутыми мѣрами возстановилъ до нѣкоторой степени порядокъ, и осадой Кунграда принялся за присоединеніе отпавшихъ частей. Это время ознаменовалось для Россіи неудачнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла ханства, неудачнымъ вслѣдствіе паразитической до смѣшнаго недостаточности употребленныхъ для этого силъ: во время осады Кунграда въ 1858 г. Аральская флотилія, съ десантомъ въ 125 человекъ, подошла было къ Кунграду, своимъ видомъ заставила Сеидъ-Магомета снять осаду, но была не въ силахъ водворить порядокъ и, послѣ нападенія туркменъ на лагерь десанта, ушла обратно на Сыръ-Дарью.

Около года Пана-ханъ продержался еще въ Кунградѣ, но затѣмъ населеніе возстало; его убили и голову его доставили хивинскому хану.

Покончивъ съ Кунградомъ, Сеидъ-Магометъ принялся за туркменъ, жившихъ въ то время по Куны-Дарьѣ. Запрудой Лаузана было окончательно прекращено теченіе въ послѣдней, доходившее тогда на 36 верстъ ниже Куны-Ургенча, и туркменъ заставили переселиться ближе къ городу Хивѣ, на оконечность канала Хазавать. Однако, междоусобія съ ними не прекратились и по вступленіи на престолъ въ 1863 г. нынѣ правящаго хана Сеидъ-Магометъ-Рахима. Наконецъ, населеніе, выведенное изъ терпѣнія грабежами туркменъ, потребовало принятія рѣшительныхъ мѣръ. Тогда ханъ снарядилъ войско, подъ начальствомъ диванъ-беги-Матъ-Мурада. Послѣдній разбилъ туркменъ, обложилъ ихъ данью и взялъ въ Хиву заложниковъ; несмотря на это, въ слѣдующемъ году, туркмены опять возстали...

Тогда снарядили новое войско, выдвинули его въ туркменскія

земли и подъ прикрытіемъ этого войска населеніе принялось запруживать каналы, снабжавшіе туркменъ водою. Недостатокъ послѣдней вынудилъ ихъ подчиниться, заплатить дань въ 18,000 р. и обязаться платить извѣстную сумму ежегодно. Однако, и эта дань была уплачена только въ первый годъ, а затѣмъ туркмены опять ничего не платили до самаго 1873 г., послѣ котораго, опираясь на русскія войска, Хивинскій ханъ окончательно смирилъ и покорилъ себѣ туркменъ.

По мирному договору 1873 г., правый берегъ Аму и дельта ея отошли къ Россіи; русскіе купцы получили право беспошлинно торговать въ Хивѣ; рабство уничтожено на вѣчныя времена; болѣе 15,000 рабовъ-персіанъ освобождены и на ханство наложена контрибуція въ 2.200,000 рублей.

Такъ окончилась пулаторовѣковая непрерывная борьба Россіи съ Хивой, а съ 1883 г., т. е. съ занятія Мерва, ханство это стало внутренней провинціей Россіи, въ которой туземное правительство, какъ странный анахронизмъ, если и существуетъ, то только до тѣхъ поръ, пока это находить удобнымъ и желательнымъ верховная власть.

Итакъ, въ послѣднее время самостоятельности, Хивинское ханство управлялось ханомъ, который, какъ вездѣ въ мусульманскихъ странахъ, пользовался наслѣдственной, неограниченной, деспотической властью. Однако, эта неограниченность власти не устраивала его зависимости отъ приближенныхъ, которые, то смѣняли хановъ, то сами истреблялись послѣдними.

Съ 1873 г. такому порядку положенъ конецъ: Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-Ханъ, уже свергнутый народомъ во время приближенія русскихъ войскъ къ столицѣ, и, именовъ Государя Императора, возстановленный въ своемъ достоинствѣ — призналъ себя покорнымъ слугою Императора Всероссийскаго. Переставъ, такимъ образомъ, быть независимымъ повелителемъ, ханъ за то сталъ независимъ отъ придворныхъ интригъ и получилъ возможность опираться на русскія войска для поддержанія своего престижа.

Понимая значеніе этой поддержки, ханъ и внутри страны смотритъ на себя, какъ на правителя, поставленнаго Государемъ Императоромъ управлять на лѣвомъ берегу точно также, какъ *Музафатъ-Хахимъ*, т. е. начальникъ отдѣла — на правомъ. Такой порядокъ совершенно понятенъ и съ точки зрѣнія шаріата: по понятіямъ населенія, послѣ завоеванія ханства русскими войсками оно все, до жизни и имущества населенія включительно, стало собствен-

ностью Акъ-Падишаха (Бѣлаго Царя) и если Его Величеству угодно было поставить на правомъ берегу *генерала*, а на лѣвомъ—*хана*, то обоихъ ихъ, какъ своихъ слугъ, онъ можетъ во всякое время и смѣнить. Такъ именно и смотреть на хана его подданные... Какъ жители осѣдлой полосы, такъ и туркмены, считаютъ своимъ верховнымъ повелителемъ Государя Императора, а туркмены, при всякомъ удобномъ случаѣ, прямо высказываютъ, что если бы ханъ не опирался на русскія войска, то они бы ему гроша не дали въ уплату податей. Но ханъ долженъ платить контрибуцію и, подъ предлогомъ ея, грозить туркменамъ русскими войсками и облагаетъ ихъ большими налогами, чѣмъ остальное населеніе.

Такимъ образомъ въ результатѣ, послѣ 1873 г., ханъ потерялъ, какъ плательщиковъ, слишкомъ стотысячное населеніе праваго берега, но за то приобрѣлъ большее по численности туркменское, а обезпеченный порядокъ избавилъ его отъ расходовъ на войска. Очевидно, онъ въ большихъ барышахъ и, въ виду того, что будущее въ рукахъ Аллаха—прикапливаетъ деньгу на всякій случай...

О числительности населенія оазиса, или вѣрнѣе, о числѣ дворовъ и кибитокъ собраны мною, относительно, довольно точныя свѣдѣнія; въ особенности, что касается осѣдлаго узбекско-сартовскаго населенія. Этому послѣднему ведутся въ Хивѣ весьма точныя записи, въ которыхъ населеніе показывается числомъ дворовъ при каждой *мечеть-каума*, т. е. по приходамъ. Я добился предъявленія мнѣ этихъ «*писцовыхъ книгъ*» и изъ нихъ сдѣлалъ выборки, которыя затѣмъ провѣрялъ опросомъ старшинъ каждаго прихода, которые собирались къ прїѣзду моему въ извѣстные пункты. На правомъ берегу свѣдѣнія о числѣ дворовъ получены изъ официальныхъ данныхъ управленія отдѣла. Что касается числа кибитокъ полукочеваго и кочеваго населенія, то свѣдѣнія относительно ихъ двоякаго рода: въ дельтѣ они представляютъ официальныя данныя волостныхъ, пополненныя распросами ихъ же, а на лѣвомъ берегу—число кибитокъ туркменъ (которымъ не ведется никакихъ списковъ) опредѣлено различными косвенными путями, но, по увѣренію нѣкоторыхъ хивинскихъ сановниковъ, оно довольно близко къ истинѣ.

Числительность всего осѣдлаго населенія лѣваго берега простирается до 36,000 дворовъ, кромѣ города Хивы, а праваго до 7,500 дворовъ. Осѣдлыхъ и полукочевыхъ туркменъ на лѣвомъ берегу 27,000 кибитокъ. Населеніе дельты достигаетъ въ русскихъ предѣлахъ 22,000 кибитокъ и въ хивинскихъ—9,000, причемъ осѣдлыхъ

изъ нихъ можно считать до 3,000 дворовъ, а остальные кочевники, для которыхъ земледѣліе составляетъ занятіе побочное.

Переходя къ опредѣленію, по числу дворовъ, числа душъ, наталкиваемся на большое затрудненіе: какую принимать среднюю цифру душъ на дворъ? По принятому для Средней Азіи разсчету, считается по пяти душъ на дворъ; можетъ быть число это и соотвѣтствуетъ средней величинѣ семьи, но для списочнаго, податнаго двора—оно слишкомъ мало.

Происходитъ это отъ того, что при податномъ устройствѣ въ Хивинскомъ ханствѣ, а также и въ дельтѣ (гдѣ оно составляетъ сколокъ съ хивинскаго) окладной налогъ взимается съ котла и потому населеніе прямо заинтересовано въ соединеніи нѣсколькихъ родственныхъ семей, напримѣръ, нѣсколькихъ женатыхъ братьевъ—въ одну. Патріархальность быта и устройство жилищъ осѣдлаго населенія, живущаго въ отдѣльныхъ большихъ курганчахъ, также способствуютъ тому, чтобы раздѣлы были, по возможности, рѣдки. Въ кочевомъ населеніи я прямо убѣдился, что кибитки женатыхъ сыновей постоянно считаются населеніемъ заодно съ кибиткою отца. Въ виду всего этого можно считать, что разсчетъ по пяти душъ на дворъ—крайне недостаточенъ для хивинскаго оазиса, а нѣкоторыми косвенными путями я пришелъ къ убѣжденію, что даже разсчетъ по семи душъ на дворъ для многихъ мѣстностей оазиса будетъ далеко ниже дѣйствительнаго. Принимая, однако, эту цифру, мы получимъ, что все населеніе оазиса простирается:

Осѣдлаго узбекско-сартскаго свыше.	300,000 душъ
Полукочеваго туркменскаго около	190,000 >
Населенія дельты	210,000 >
Населенія города Хивы.	25,000 >

Всего 725,000 душъ.

Принимая всю площадь оазиса въ 600 квадр. географ. миль, мы получимъ плотность населенія свыше 1,000 душъ на квадр. милью. Наибольшей плотностью отличается при этомъ населеніе восточной части оазиса, гдѣ оно доходитъ до 4,800 душъ на квадр. милью, не считая города Хивы. Наименьшая плотность приходится на долю дельты, гдѣ оказывается не болѣе 500 душъ на квад. милѣ. Но такъ какъ культурныя пространства въ оазисѣ рѣзко отдѣлены отъ негодныхъ къ культурѣ полосъ песковъ и разливовъ, то, если считать собственно густоту группировки населенія, на производительной по-

верхности получается населенность замѣчательная—свыше 5,000 душъ на квадратной милѣ.

Племенной составъ населенія былъ опредѣленъ мною при провѣркѣ, черезъ приходскихъ старшинъ, официальныхъ данныхъ; цифры его являются только приблизительными, такъ какъ племенные различія во многихъ мѣстахъ на столько сгладились, что население само затрудняется опредѣлить, кто—сартъ, а кто—узбекъ.

По племенамъ население принадлежитъ къ слѣдующимъ главнымъ группамъ: узбеки, сарты, туркмены, киргизы и каракалпаки, затѣмъ слѣдуетъ: арабы, таджики, персы и татары. Послѣ 1873 г. къ нимъ присоединились русскіе и нѣсколько десятковъ семействъ нѣмцевъ-менонитовъ.

Статистическія данныя о племенномъ составѣ обработаны мною пока только для лѣваго берега, т. е. для самаго ханства, а потому племеннаго состава праваго берега, представляющаго тѣ же группы, но въ другомъ соотношеніи, я не касаюсь.

Аборигенами страны являются *сарты*. До послѣдняго времени самое значеніе слова «*сартъ*» представлялось спорнымъ, такъ что нѣкоторые считали слово сартъ терминомъ, обозначающимъ городское населеніе. Однако, теперь можно считать установленнымъ, что сарты представляютъ собою совершенно отдѣльное племя арійскаго происхожденія, хотя и принявшее въ себя много тюркской крови. Въ Хивѣ довольно рѣзко отличается, мѣстами, сартовское сельское населеніе отъ узбекскаго, причемъ сплошную массу оно представляетъ въ округѣ Новаго Ургенча, а въ другихъ—разбросано отдѣльными приходами среди узбекскаго. Числительность сартовъ довольно трудно опредѣлить, такъ какъ они весьма охотно выдаютъ себя за узбековъ и попадаютъ только на томъ, что не могутъ назвать родъ, къ которому принадлежатъ, тогда какъ узбекъ—всегда точно назоветъ не только свой родъ, но и колѣно. По собственнымъ показаніямъ населенія, числительность сартовъ опредѣлилась въ 30% населенія осѣдлой полосы или около 20% всего населенія лѣваго берега, но въ дѣйствительности процентъ ихъ, вѣроятно, гораздо выше.

Само населеніе въ настоящее время не имѣетъ никакого понятія о происхожденіи племеннаго различія между сартомъ и узбекомъ, и на вопросъ объ этомъ приводитъ обыкновенно ходячій анекдотъ, по которому сарты яко бы происходятъ *отъ собаки*. По этому анекдоту оказывается, что у пророка Ноя было нѣсколько сыновей и только одна дочь. При постройкѣ ковчега Ноею пришлось поку-

пать много матеріаловъ, но всѣ поставщики требовали, въ уплату за нихъ, вмѣсто денегъ—руку его дочери. Какъ изворотливый человекъ, Ной обѣщаль всѣмъ имъ, но, затрудняясь въ исполненіи обѣщанія, обратился съ молитвою къ Богу. Господь приказалъ ему посадить на ночь въ отдѣльную комнату: свою дочь, собаку, кошку, курицу и т. п., и на утро Ной, вмѣсто всѣхъ этихъ звѣрей, нашель дѣвушекъ,—до такой степени похожихъ на его дочь, что самъ онъ не могъ опредѣлить, которая изъ нихъ настоящая. Выдавъ всѣхъ этихъ дѣвицъ замужъ, Ной только впослѣдствіи узналъ, которая была его дочерью, потому что женившійся на ней не могъ нахвалиться женою, а остальные всѣ жаловались на черты характера жень, унаслѣдованныя ими отъ ихъ прежняго состоянія. Такъ вотъ отъ той дѣвицы, которая была превращена изъ собаки и произошли будто бы сарты.

Въ дѣйствительности сарты—потомки древнѣйшаго арійскаго населенія страны. Изъ физическихъ особенностей ихъ, кромѣ нѣсколько меньшаго роста, чѣмъ у узбековъ, и болѣе слабаго сложения, можно указать на густыя бороды, такъ несвойственныя узбекамъ и подмѣченныя китайцами еще до Р. Х., какъ отличительная черта арійскаго населенія Хорезма. Затѣмъ, ни по образу жизни, ни по костюму, сарты рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ узбековъ; въ нравственномъ же отношеніи, какъ покоренная раса, долго находившаяся въ положеніи угнетенныхъ, хивинскіе сарты немногимъ превосходятъ своихъ ташкентскихъ и бухарскихъ сородичей. Такая же лживость, подозрительность, недовѣрчивость, при меньшемъ уровнѣ развитія, вслѣдствіе меньшаго распространенія грамотности, и большая забытость и покорность судьбѣ—вотъ качества, отличающія сартовское населеніе и дѣлающія его такъ мало пригоднымъ для военной службы, что узбеки постоянно смѣются надъ сартами, говоря, что сартъ—пукеръ, т. е. всадникъ, «въ бою одной рукой поводья держитъ, другой за луку держится; саблю ему и нечѣмъ вынуть, и вотъ онъ удпраеть». Несомнѣнно, однако, что въ жилахъ многихъ изъ этихъ, яко бы, узбековъ, украшенныхъ густыми бородами, течетъ больше сартовской крови, чѣмъ тюркской.

Узбеки составляютъ господствующее, какъ по численности, такъ и по значенію, населеніе страны. Какъ выяснено въ историческомъ очеркѣ, узбеки не составляютъ особаго племени среди народовъ тюркской крови и названіе это имѣетъ только политическое происхожденіе. Въ числѣ многочисленныхъ узбекскихъ родовъ, существующихъ въ настоящее время, можно прослѣдить и тѣ 26 родовъ,

которые въ XV столѣтїи образовали союзъ узбековъ, впоследствии увеличившійся многими другими родами. Въ числѣ этихъ 26-ти родовъ уноминаются и восемь родовъ, переселившіеся въ Хорезмъ въ XV столѣтїи по приглашенію перваго Хивинскаго хана изъ узбековъ—Ильбарса. Но кромѣ нихъ миѣ попадались въ Хивѣ представители еще 16-ти родовъ, хотя и въ значительно меньшемъ количествѣ.

На долю узбекскаго населенія приходится 74⁰/о населенія осѣдой полосы, или около 50⁰/о всего населенія лѣваго берега.

По физическимъ свойствамъ своимъ хивинскіе узбеки значительно превосходятъ своихъ сородичей въ другихъ частяхъ Туркестана. Роста они большею частью выше средняго, хорошо сложены, красивы лицомъ, въ которомъ совершенно незамѣтно монгольскихъ чертъ, а зачастую называющій себя узбекомъ представляетъ чистѣйшій образецъ красавца кавказскаго племени. Последнее обстоятельство объясняется, вѣроятно, примѣсью сартовской, иранской и даже русской крови, но большой ростъ, по всей вѣроятности, обуславливается также и привилегированнымъ положеніемъ узбековъ въ оазисѣ еще въ половинѣ прошлаго столѣтїа, когда узбеки жили господами, а весь трудъ лежалъ на сартахъ и на рабахъ. Теперь, однако, все это уже отошло въ область преданій и узбеки, забывъ свой кочевой образъ жизни, являются такими же трудолюбивыми земледѣльцами, какъ и сарты. Права ихъ также совершенно сравнены; они платятъ одинаковыя подати, одинаково выставляютъ казенныхъ рабочихъ, также старательно обрабатываютъ пашни и разводятъ сады, и только въ занятїяхъ ремеслами и торговлею уступаютъ первенство сартамъ.

Туркмены—самое воинственное, свободолюбивое и непокорное изъ племенъ, населяющихъ Хивинскій оазисъ. Надо думать, что они представляютъ потомковъ тѣхъ тюрковъ, которые произвели нашествіе на Хорезмъ въ VI вѣкѣ, причемъ главная масса ихъ продвинулась южнѣе оазиса и долго не покидала своего кочеваго быта, проводя жизнь въ постоянныхъ ссорахъ съ сосѣдами и набѣгахъ на ближайшія культурныя мѣстности. Туркмены дѣлятся на нѣсколько племенъ, много родовъ и колѣнъ, но названія этихъ подраздѣленій не имѣютъ ничего общаго съ названїями родовъ узбекскихъ.

Главныя племена это: іомуды, чаудоры, имралы, карадашлы; въ небольшомъ числѣ живутъ также: ата, арбачи и гоклены. За отдѣльное племя принимаются также караелгенлы (кара-джингыллы) или кулчары, хотя они составляютъ помѣсь іомудовъ съ рабынями пер-

сіанками и причисляются собственно также къ іомудамъ. Интересныя данныя для изслѣдованія происхожденія туркменскихъ родовъ представляютъ рисунки ковровъ, которые въ каждомъ племени сохраняются совершенно неизмѣнно и иногда полная тождественность рисунка ковровъ у племенъ, живущихъ весьма далеко одно отъ другаго, указываетъ на ихъ родственное происхожденіе.

Между собою туркмены считаются въ родствѣ, и общимъ исходнымъ пунктомъ своимъ считаютъ городъ Туркестанъ на Сыръ-Дарьѣ. О выселеніи оттуда туркменъ-іомудовъ разсказывается такое преданіе:

Въ Туркестанѣ жили два брата туркмена: Акманъ и Караманъ; однажды они поссорились съ Хазретъ-Әюбомъ, въ честь котораго построена въ Туркестанѣ извѣстная мечеть. Чтобы отомстить святому, они ночью зарѣзали быка и втащили его въ мечеть. На утро братья стали обвинять Әюба въ кражѣ быка; тотъ отвергалъ обвиненіе и предложилъ докащикамъ пойти самимъ въ мечеть и убѣдиться, что тамъ быка нѣтъ. Они вопли, а когда вслѣдъ затѣмъ святой, съ собравшимся народомъ, вошелъ въ мечеть, то нашли тамъ двухъ собакъ: бѣлую и черную, грызущихся надъ тушей быка. Обращенные въ собакъ Акманъ и Караманъ не потеряли будто бы памяти о своемъ человѣческомъ происхожденіи и остались жить при своемъ племени, но навлекли на него столько насмѣшекъ, что іомудамъ пришлось уководить изъ Туркестана. Они прошли черезъ Хорезмъ, преслѣдуемые насмѣшками, на Мангышлакъ и, наконецъ, убили своихъ сородичей-оборотней пятью стрѣлами у колодца, который съ тѣхъ поръ носить названіе Бишь-уклы, т. е. Пятистрѣльный.

Въ настоящее время хивинскіе туркмены отчасти стали совершенно осѣдлыми, отчасти могутъ считаться полукочевыми; и у тѣхъ, и у другихъ есть пашни и даже сады, но глинобитныя постройки существуютъ только для скота и запасовъ, а сами туркмены живутъ около нихъ въ войлочныхъ кибиткахъ. Полукочевыми можно считать изъ нихъ тѣхъ, которые занимаются земледѣліемъ въ видѣ побочнаго промысла, садовъ не разводятъ и во всякое время готовы перейти на новое мѣсто. Обыкновенно, нѣкоторые члены изъ такихъ семействъ кочуютъ со скотомъ на Мангышлакъ и въ другихъ мѣстахъ, а остальные сидятъ на пашняхъ въ оазисѣ. Какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи туркмены представляютъ собою безусловно лучшую часть населенія оазиса. Въ чертахъ лица ихъ очень мало замѣтенъ тюркскій типъ; особенной красотой отли-

чается племя карадашлы. Собравшіеся ко мнѣ старшины этого племени представляли собою положительно коллекцію красавцевъ различнаго возраста. Прямой открытый характеръ, вѣрность данному слову, сознаніе собственнаго достоинства и какое-то изящество и благородство манеръ—отличительныя черты нравственнаго облика большинства туркменъ. Въ отношеніи способности къ военной службѣ они также стоятъ неизмѣримо выше остальныхъ народностей оазиса, что и доказали намъ блистательно подъ Чандыромъ и въ Ахаль-теке.

По численности туркмены, въ числѣ 28,000 кибитокъ, составляютъ 28^о/о всего населенія оазиса. Они живутъ на оконечностяхъ большихъ каналовъ ханства, гдѣ составляютъ сплошную массу населенія. Какъ привилегія ихъ—осталось до сихъ поръ право не выставлять казенныхъ рабочихъ для чистки каналовъ, но за то они считаются обязанными выставлять по требованію нукеровъ, хотя обязанность эта теперь чисто фиктивная, такъ какъ войскъ хану собирать не приходится.

Киргизы или казакки, какъ называютъ себя они сами и, всѣ осѣдліе съ нимъ народы, кромѣ русскихъ, населяютъ въ оазисѣ главнымъ образомъ дельту. Среди осѣдлаго населенія имѣется только нѣсколько приходоу киргизъ, ведущихъ совершенно такой же образъ жизни, какъ узбеки и сарты.

Подобно узбекамъ, киргизы не составляютъ какого-либо особаго племени, среди кочевыхъ народностей тюркской крови, а съ узбеками имѣютъ много общихъ названій родовъ, причина чего выяснена выше. Этнографическое различіе ихъ отъ узбековъ заключается, главнымъ образомъ, въ примѣси къ послѣднимъ арійской крови, а къ киргизамъ—монгольской; въ нѣкоторыхъ особенностяхъ языка и въ твердо сохранившемся родовомъ началѣ, тогда какъ у узбековъ сохраняются уже только названія родовъ, зачастую замѣняемыя въ общежитіи названіемъ по мѣсту жительства.

О физическихъ и нравственныхъ качествахъ киргизъ говорить не стоитъ, такъ какъ они всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны.

Каракалмаки, составляющіе главную массу населенія дельты, представляютъ весьма интересную народность. О происхожденіи ихъ мнѣ не встрѣчалось въ литературѣ никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что они перешли въ дельту Аму, тѣснямые киргизами, съ низовьевъ Сыръ-Дарьи въ концѣ прошлаго столѣтія. По этому я обратилъ особенное вниманіе на изслѣдованіе этого вопроса, что до нѣкоторой степени мнѣ и удалось.

Одинаковость названій каракалпакскихъ родовъ съ узбекскими указываетъ на ихъ общее происхожденіе; распрошенные мною каракалпаки также отзывались, что ихъ племя въ близкомъ родствѣ съ узбеками, причѣмъ иные указывали даже, что въ четвертомъ колѣнѣ по восходящей степени у нихъ имѣются общіе родичи. Обычай каракалпаковъ также весьма сходенъ съ узбекскими, равно какъ и устройство ихъ кибитокъ, нѣсколько отличное отъ киргизскихъ и туркменскихъ. Они, подобно узбекамъ, руководствуются шаріатомъ, а не народнымъ обычаемъ, какъ киргизы. По физическимъ свойствамъ каракалпаки также весьма близки къ узбекамъ. Особенная черта ихъ быта—это непримиримая вражда къ киргизамъ и взаимное, съ той и другой стороны, пренебреженіе. Подъ властью хановъ они несли всевозможныя обязанности: выставляли казенныхъ рабочихъ, подобно узбекамъ и сартамъ, платили кибиточную подать, какъ киргизы (которые рабочихъ не выставляли); поземельный сборъ платили само собой и закеть также; только нукеровъ они не выставляли, такъ какъ считались къ военной службѣ непригодными.

По всѣмъ этимъ даннымъ надо думать, что каракалпаки ничто иное, какъ часть тѣхъ же узбековъ, которые произвели нашествіе на Хорезмъ, но уже въ тѣ времена утрачивавшая кочевой бытъ и, во время переселенія, оставшаяся на Сыръ-Дарьѣ. Въ послѣдствіи, тѣсняемые киргизами, они должны были покинуть Сыръ, а на Аму, какъ пришельцы, они были обложены всякими видами повинностей, кромѣ военной службы. Въ настоящее время каракалпаки отчасти вполне осѣдлы, болѣею частью полукочевники, а иные ведутъ вполне кочевой образъ жизни, не обрабатывая вовсе земли. Особенность ихъ кочеваго быта та, что они не держатъ ни лошадей, ни верблюдовъ, ни барановъ, т. е. какъ разъ тѣхъ породъ скота, которыя составляютъ обычное богатство всѣхъ кочевниковъ. Они держатъ почти исключительно рогатый скотъ и перекочевки свои совершаютъ на арбахъ, запряженныхъ быками.

Въ предѣлахъ собственно ханства каракалпаковъ сравнительно немного, всего 3,000 кибитокъ, но въ русской части дельты ихъ до 12,000 кибитокъ, такъ что въ общемъ они составляютъ 15% всего населенія оазиса.

Съ приходомъ русскихъ положеніе этого мирнаго и въ высшей степени трудолюбиваго народа значительно улучшилось, такъ какъ они совершенно сравнены въ правахъ съ киргизами.

Арабы, потомки завоевателей VII вѣка, представляютъ собою народность весьма немногочисленную, всего до 300 дворовъ. Они

совершенно утратили свои національныя особенности, говорят по-тюркски и вообще ничѣмъ не отличаются отъ узбековъ и сартовъ, среди которыхъ живутъ, хотя свое арабское происхожденіе твердо помнятъ.

Таджики—переселенцы изъ Бухары, живутъ нѣсколькими отдѣльными приходами въ разныхъ частяхъ ханства. Иные изъ нихъ до сихъ поръ рѣзко сохранили племенной типъ лица, но большая часть—только названіе своей народности, а во всемъ остальномъ совершенно слились съ узбеками и сартами и, кажется, совсѣмъ не говорятъ по таджикски.

Персы—близки по родству племени и языка съ таджиками: въ Хиву они попадали въ качествѣ рабовъ, которыхъ въ 1873 году освобождено свыше 15,000. Часть ихъ осталась въ ханствѣ, но затѣмъ постепенно выселилась и въ настоящее время ихъ тамъ не болѣе 1,000 душъ, причемъ они платятъ особый подушный налогъ собственно за свое происхожденіе. На языкѣ хивинцевъ иранъ, т. е. персь и куль, т. е. рабъ—одно и то же. Хивинцы считаютъ, что до третьяго колѣна сохраняется рабское происхожденіе и потомокъ женщины-персіанки только съ четвертаго колѣна можетъ считаться узбекомъ. Это, однако, не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ персовъ получать даже мѣста бековъ, а теперешнему хану не помѣшало просить объ утвержденіи своимъ наслѣдникомъ своего любимаго втораго сына—сына персіанки; хотя за глаза и шопотомъ его всѣ зовутъ куломъ, т. е. рабомъ.

Кромѣ перечисленныхъ народностей въ оазисѣ живутъ еще въ весьма небольшомъ числѣ: калмыки, татары, 40 семействъ нѣмцевъ-менонитовъ, уже побывавшихъ въ Америкѣ и вернувшихся оттуда, и, вѣроятно, нѣсколько десятковъ бѣглыхъ русскихъ, пожелавшихъ скрыть свое происхожденіе въ 1873 году и совершенно омусульманившихся. Впрочемъ, примѣсь русской крови иногда до очевидности ясна въ нѣкоторыхъ хивинцахъ, очевидно, какъ остатокъ большаго числа русскихъ рабовъ.

Но кого совершенно нѣтъ въ Хивѣ—это евреевъ. Говорятъ, что имъ не было формально запрещено проживать въ Хивѣ, но что они почему-то сами туда не являлись. Презрѣніе къ нимъ таково, что во времена рабства ихъ даже не приводили въ качествѣ рабовъ,—имѣть такого раба было бы для мусульманина позоромъ. При сборѣ статистическихъ свѣдѣній по столицѣ ханства я, однако, изыскалъ одного еврея, но онъ принялъ уже мусульманство и женатъ на персіанкѣ. Какъ мнѣ говорили, это единственный экземпляръ отъ Іудей

во всемъ ханствѣ. На правомъ берегу, съ приходомъ русскихъ, появились, конечно, и евреи, но ханство отъ нихъ пока чисто. Равнымъ образомъ я не видалъ ни одного индѣйца или цыгана, встречающихся въ Бухарѣ, да, кажется, ихъ и нѣтъ въ оазисѣ.

Дѣленіе на сословія существуетъ въ осѣдломъ населеніи ханства только въ смыслѣ отбыванія податей и повинностей. Родового дворянства, въ нашемъ значеніи этого слова, существующаго также у киргизъ, въ видѣ лицъ бѣлой кости, — въ Хивѣ не имѣется.

Высшее сословіе, т. е. знать служилая, называемая сипаи, и высшее духовенство, не представляютъ ничего замкнутаго. Въ сипаи попадаютъ даже персы и высшія должности постоянно пополняются ханскими слугами, бачами и проч. Несмотря, однако, на это, сипаи считаютъ себя неизмѣримо выше простаго народа; чиновочитаніе весьма развито въ Хивѣ и по педантическому отношенію къ нему очень напоминаетъ наше старинное мѣстничество.

Нѣкоторое подобіе, если не дворянства, то польской шляхты, представляютъ собою *сеиты, ходжи и шейхи*. Происхождение ихъ объясняютъ такимъ образомъ: у халифа Али было 18 сыновей; изъ нихъ двое старшихъ были женаты на дочеряхъ Магомета и потомство ихъ называется теперь ходжами, причѣмъ потомки одного изъ нихъ — казеннаго Гусейна — носятъ наиболѣе уважаемое званіе *ходжа-сеитъ*. Потомки остальныхъ 16-ти сыновей считаются шейхами.

Званіе сеита настолько почетно, что, напримѣръ, второй ханъ теперешней династіи Магометъ-Рахимъ, правившій съ 1810 г. до 1825 года, чтобы облагородить въ глазахъ народа свою династію, взялъ себѣ жену изъ рода сеитовъ, послѣдствіемъ чего было присоединеніе титула «сеитъ» къ именамъ его наслѣдниковъ. Однако, въ матеріальномъ отношеніи почетность званія ничего не даетъ сеитамъ: они совершенно наравнѣ съ ходжами, шейхами и простыми балякешами (тяглыми) занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и проч., хотя составляютъ отдѣльные приходы; освобожденіе отъ уплаты поземельнаго налога и выставки казенныхъ рабочихъ — ихъ единственныя преимущества.

Имѣя въ виду происхождение сеитовъ и ходжей, казалось бы, что они должны всѣ считать себя арабами, но въ дѣйствительности ходжи есть между всѣми народностями оазиса, кромѣ только киргизъ. Я полагалъ, что они произошли по женской линіи, подобно теперешней хивинской династіи, но диванъ Беги-Мать-Муратъ объяснилъ мнѣ, что это дѣлается гораздо проще: ярлыкъ на званіе ход-

жи и происхождение отъ Али дается ханомъ за 50 тиллей, т. е. за 90 руб... Всего ходжей, вмѣстѣ съ септами, считается въ ханствѣ съ небольшимъ 3,000 семей.

Шейхами, кромѣ происходящихъ отъ 16-ти сыновей Али, считаются также и потомки нѣкоторыхъ другихъ мусульманскихъ святыхъ, а равно стражи при ихъ гробницахъ, но таковыя вообще не-многочисленны.

Другой разрядъ привилегированныхъ семействъ въ ханствѣ— это *нукеры*, т. е. семьи, освобожденныя отъ уплаты поземельныхъ податей и выставки рабочихъ и обязанныя за то ставить по требованію *нукеровъ*, т. е. всадниковъ для военной или полицейской службы. Каждая нукерская семья имѣетъ надѣль въ 10 танаповъ, т. е. около трехъ десятинъ, за который должна выставять одного нукера. Положеніе нукеровъ совершенно напоминаетъ положеніе дѣтей боярскихъ въ древней Руси. Подобно послѣднимъ, они иногда получаютъ и «государево жалованье», въ видѣ денежныхъ выдачъ, въ неопредѣленномъ размѣрѣ, смотря по состоянію казны.

Такъ какъ въ настоящее время нарядъ нукеровъ производится только въ небольшихъ размѣрахъ для полицейской службы, то положеніе нукерскихъ семействъ оказывается довольно привилегированнымъ. Число ихъ достигаетъ до 3,900.

Равными съ нукерами освобожденіями отъ податей и выставки казучей пользуются также нѣкоторые *усты*, т. е. мастера (плотники, рѣзчики, штукатуры и проч.), обязанные работать при ханскихъ постройкахъ и нѣсколько приходовъ *ханскихъ каюкчей*, обязанныхъ доставлять на каюкахъ лѣсъ и уголь съ тугаевъ по среднему теченію Аму-Дарьи. Есть еще, такъ называемые, *кутырчи*, т. е. приходы, приписанные къ мостамъ на большихъ каналахъ и обязанные, вмѣсто остальныхъ повинностей, содержать ихъ въ исправности.

Единственный языкъ, на которомъ говорятъ въ Хивѣ,—это тюркскій въ различныхъ нарѣчіяхъ: узбекскомъ, туркменскомъ, киргизскомъ. Всѣ официальные документы также пишутся по-тюркски, а не по-персидски, какъ въ Бухарѣ.

Единственная религія, конечно, мусульманская, сунитскаго толка. Шитовъ совершенно нѣтъ въ Хивѣ. Впрочемъ, туркмены и киргизы мусульмане только по имени; мечетей мнѣ совершенно не случилось видѣть въ мѣстностяхъ, занятыхъ туркменами, да они, кажется, только и существуютъ у нихъ при нѣсколькихъ могилахъ весьма чтимыхъ святыхъ. У туркменъ клятва на коранѣ замѣняется такимъ образомъ: дѣлаютъ бугорокъ изъ земли и говорятъ: «*Пусть*

это—могила Ибраимъ-Ата; толкни ее, если ты правъ. И говорить, будто туркменъ никогда не дерзнетъ толкнуть бугорокъ, если не чувствуетъ себя правымъ.

Наиболѣе ревностные мусульмане—это сарты, но вообще мусульманство далеко не имѣетъ въ Хивѣ того фанатическаго характера, какъ въ Бухарѣ, и духовенство далеко не пользуется такимъ влияніемъ. Какъ на характерную черту въ этомъ отношеніи можно указать на то обстоятельство, что мнѣ большую часть отводили для ночлеговъ мечети, гдѣ всегда есть прудъ, осыпанный карагачами, и нѣсколько просторныхъ терасъ.

Грамотность вообще менѣе распространена въ Хивинскомъ оазисѣ, чѣмъ гдѣ-либо въ Туркестанѣ. Даже среди высшаго сословія, сипаевъ, грамотность далеко не составляетъ принадлежность каждаго, такъ что даже нѣкоторые изъ министровъ неграмотны и ограничиваются прикладываніемъ именной печати къ бумагамъ, писаннымъ ихъ диванами (дьяками); однако, школы есть, все-таки, почти при каждой мечети и, по самому меньшему разсчету, въ осѣдномъ населеніи приходится одинъ учащійся мальчикъ на 2—3 семьи. Высшія училища—*медресе* сосредоточены въ городѣ Хивѣ, гдѣ ихъ до 24-хъ, съ различнымъ числомъ учащихся. Занятія въ нихъ имѣютъ совершенно такой же узко-богословскій характеръ, какъ и вездѣ въ Средней Азіи.

Средства на содержаніе медресе и прочихъ религіозныхъ и благотворительныхъ учрежденій собираются съ *вакуфовъ*, состоящихъ изъ недвижимыхъ имуществъ. Постановка вакуфнаго дѣла нѣсколько отличается въ Хивѣ отъ остальнаго Туркестана, но рамки статьи не позволяютъ мнѣ вдаваться въ подробности по этому предмету. Общее количество вакуфной земли въ ханствѣ составляетъ почти 16% всей обработанной земли осѣдлага населенія и приносить вакуфнымъ учреждениямъ до 30,000—35,000 тиллей, т. е. 55,000—60,000 рублей. Кромѣ того, вакуфы получаютъ доходы съ нѣкоторыхъ лавокъ, каравансараевъ и пр.

По образу жизни населенія Хивинскій оазисъ и ханство въ особенности—страна исключительно земледѣльческая. При этомъ, несмотря на разнообразіе племеннаго состава, все населеніе отличается въ высшей степени однообразными условіями жизни почти во всѣхъ классахъ общества. Даже у высшихъ сановниковъ бытовая обстановка въ сущности мало отличается отъ образа жизни простолюдина. Уже при бѣгломъ знакомствѣ съ ханствомъ оно поражаетъ видимымъ благосостояніемъ жителей и впечатлѣніе это

оказывается довольно правильнымъ, если принять во вниманіе крайне ограниченныя потребности населенія. Такъ, напримѣръ, мелочныхъ лавочекъ, обычной принадлежности каждаго кышлака въ русскомъ Туркестанѣ, въ Хивѣ совершенно не встрѣчается за стѣнами городовъ, да и въ городахъ, въ небазарный день, торгуютъ 5—6 мелочниковъ, да 1—2 мясника.

За исключеніемъ самаго высшаго класса общества достатки распределены въ высшей степени равномерно. Средняя величина надѣла оказывается въ осѣдномъ населеніи около семи танаповъ ⁽¹⁾ на семью, но «среднимъ» хозяиномъ считается владѣлецъ 10-ти танаповъ, такъ какъ достатки его являются средними: между главной массой населенія, имѣющей 3—7 танаповъ на семью, и богачами—владѣльцами 20—30 танаповъ, т. е. 7—10 десятинъ. И такіе богачи считаются единицами, потому что 50 танаповъ—уже надѣлъ сипая и даже не изъ послѣднихъ ⁽²⁾. Обыкновенно же человѣкомъ весьма зажиточнымъ считается владѣлецъ 15—20 танаповъ (5—7 десятинъ).

Понятно, что при такомъ распределеніи земельной собственности, и при весьма ничтожномъ числѣ безземельныхъ (менѣе 5%⁰) въ ханствѣ нѣтъ ни богачей, ни бѣдняковъ, а вся масса населенія, относительно обстановки жизни, находится почти въ одинаковыхъ условіяхъ.

Жилища вообще весьма солидной постройки: каждый домъ представляетъ изъ себя *курганчу*, обнесенную высокими и толстыми глинобитными стѣнами. Расположены они отдѣльно, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, по всему теченію арыка, названіе котораго и носить селеніе. Такимъ образомъ селеніе изъ 20—30 дворовъ, составляющее отдѣльный приходъ, растягивается верстъ на пять, а въ нѣсколькихъ десяткахъ саженой параллельно съ нимъ, по другому арыку, тянется иногда другое подобное же селеніе и т. д.

Почти у всякой курганчи имѣется небольшой садъ, т. е. нѣсколько урюковъ (абрикосовъ), яблонь, небольшой виноградникъ; рядомъ клочекъ въ нѣсколько сажень подъ дынями и арбузами, а дальше пашни. Тутъ же *чигирь*, т. е. водоподъемное колесо для орошенія полей, безъ котораго почти нигдѣ нельзя обойтись. Внутри курганча богача отличается только большей просторностью и нѣсколькими лишними коврами.

⁽¹⁾ Хивинскій танапъ—900 кв. саж., а десятина равна 2²/₃ танапа.

⁽²⁾ Ханкинский бекъ имѣетъ за свою службу надѣлъ въ 50 танаповъ.

Одежда хивинцевъ всѣхъ племенъ, классовъ и общественныхъ положеній—совершенно одинакова; халатъ хана отличается отъ халата поденщика только новизной, да небольшою примѣсью шелка въ ткани полосатой бумажной алачи, изъ которой онъ шить. Даже цвѣта одинаковые: всегда полосатые и не яркіе, буровато-красные или зеленые. Общій головной уборъ всѣхъ безъ исключенія—огромная мѣховая папаха, большею частью черная, причѣмъ папаха хана отличается отъ папахи нищаго только новизной, и весьма мало качествомъ мерлушки. Вообще, отсутствіе яркихъ цвѣтовъ въ костюмѣ—отличительная черта хивинцевъ, и надо сказать, что степенные, длинныя халаты хивинцевъ кажутъ гораздо изящнѣе, чѣмъ пестрые, шутовскіе костюмы бухарцевъ.

Пища—также только у знати, живущей въ городахъ, отличается отъ пищи всѣхъ остальныхъ. Обычная пища всего населенія это—гуджа, т. е. каша изъ джугары (родъ сарго) съ кислымъ молокомъ, да зеленый чай съ лепешкой. Даже обычая туземцевъ, остальнаго Туркестана, угощаться на базарѣ пловомъ, пельменями и пр. не существуетъ: на базарахъ, кромѣ города Хивы, совершенно нѣтъ обычныхъ въ Средней Азіи кухмистерскихъ и даже очень мало чайхане. Но за то каждый окрестный житель обязательно беретъ въ базарный день маленький кусокъ мяса, привозитъ его домой и тамъ, семейнымъ образомъ, торжественно варится изъ него огромный котель самаго жидкаго супа съ лукомъ, перцомъ и проч. Пловъ уже позволяютъ себѣ только зажиточныя лица; и одни только сипай, да богатые купцы—ѣдятъ его каждый день.

Понятно, что при такихъ ограниченныхъ потребностяхъ жить зажиточно стоитъ недорого и вотъ почему Хива производитъ впечатлѣніе такой страны, гдѣ всѣмъ всего вдоволь и нищихъ совершенно не видно.

Говоря объ образѣ жизни высшихъ классовъ, нельзя не отмѣтить склонность ихъ къ усвоенію не только дурныхъ, но и полезныхъ сторонъ цивилизаціи, особенно такихъ, практичность которыхъ сразу замѣтна. Такъ весьма распространены керасиновыя лампы (даже у базарныхъ торговцевъ); у многихъ устроены печи; дома со стеклянными рамами (конечно во дворѣ); почти всѣ сановники умѣютъ управляться пожемой и вилокъ, хотя за то охотно пьютъ наливку и въ особенности какую-то плохую шипучку подъ именемъ шампанскаго. По Хивѣ свободно разѣзжаютъ въ тарантасахъ и даже диванъ беги ѣздитъ къ хану съ докладами въ коляскѣ и т. п. Относительно усвоенія полезныхъ изобрѣтеній и говорить нечего: хивинцы

давно уже посылають свой хлопокъ прессованнымъ посредствомъ винтовыхъ пресовъ, устройство которыхъ показалъ имъ какой то заѣзжій турокъ.

Словомъ, Хива гораздо больше Бухары способна цивилизоваться, чему, конечно, способствуетъ меньшій фанатизмъ населенія.

Населенные пункты оазиса, показываемые на картахъ подъ именемъ городовъ, въ большинствѣ совершенно не заслуживаютъ этого названія. Тамъ можно сказать есть только два города: Хива и Новый Ургенчъ; съ нѣкоторой натяжкой можно причислить къ нимъ: Чимбай, Кунградъ, Ходжейли и еще два-три. Остальные — представляютъ собою только базарные пункты, постоянное населеніе которыхъ состоитъ изъ 20—50, много 200 семействъ. Городъ Питнякъ, напр., не имѣетъ *ни одного жителя*: это просто *кала* (укрѣпленіе), въ которой находятся базарныя помѣщенія, оживающія разъ въ недѣлю по субботамъ. Въ остальные дни, внѣ калы, у воротъ, торгуютъ два мелочныхъ торговца и одинъ мясникъ. Постоянныхъ городскихъ жителей ни одного. Въ г. Хазараспъ, который еще древними писателями упоминается какъ большой городъ, городскихъ жителей (*касытъ* по хивински) 84 семьи, преимущественно ремесленники, и такъ во всѣхъ остальныхъ городахъ. Назначеніемъ этихъ городовъ въ былое время было служить мѣстомъ, куда окрестные жители укрывались во время вторженія непріятели. Теперь единственное значеніе ихъ осталось какъ базарныхъ пунктовъ; вотъ почему большинство ихъ и переименовано на послѣдней сьемкѣ въ *базары*.

Городъ Хива представляетъ собою городъ настоящій, имѣющій свыше двухъ тысячъ домовъ, причемъ жителей въ ней можно полагать отъ 20 до 30 тысячъ. Конечно, городъ это такой же глиняный, какъ и всѣ остальные въ Туркестанѣ, а базаръ по величинѣ уступаетъ даже базарамъ такихъ второстепенныхъ городовъ, какъ Джизакъ или Катта-Курганъ. Глиняныя стѣны окружаютъ Хиву двойнымъ поясомъ; во внутренней оградѣ, составляющей цитадель, расположены: ханскій дворецъ, дома многихъ сановниковъ, медресе, главные мечети и пр. Всѣ они солидной постройки изъ жженого кирпича. Остальные дома обычныя глиняныя сакли. Надо, однако, отдать справедливость, что Хива много чище другихъ азійскихъ городовъ и чистота эта заведена въ ней, какъ говорятъ, послѣ возвращенія хана въ 1883 г. со священнаго коронованія.

О вооруженныхъ силахъ ханства приходится сказать только два слова: ихъ нѣтъ совсѣмъ. Ханъ не содержитъ ни одного сарбаза;

даже нѣтъ придворной стражи. На вопросъ мой: «кто же оберегаетъ хана?» мнѣ отвѣчали: «какъ кто? Богъ!»... Арсеналь хивинскій давно уже сваленъ на одной изъ площадей города и состоитъ изъ десятка пушекъ на совершенно огнившихъ, облѣзлыхъ лафетахъ съ разсыпавшимися колесами, или просто валяющихся на землѣ въ самомъ картинномъ безпорядкѣ. Только два раза въ годъ: при началѣ и при концѣ *урриси* (мусульманскій постъ), одну изъ этихъ пушекъ вытаскиваютъ на середину площади и дѣлаютъ по три холостыхъ выстрѣла. Никакой артилерійской прислуги не содержится.

Въ принципѣ, однако, считается, что вооруженныя силы ханства состоятъ изъ нукеровъ, которыхъ оно можетъ выставить до 6,000, причемъ 4,000 отъ узбековъ, а остальные изъ туркменъ. Нукеры обязаны служить на своихъ лошадяхъ и на своемъ иждевеніи, причемъ должны имѣть саблю и ружье произвольныхъ образцовъ. За ненадобностью въ военной службѣ нукеры собираются теперь только для полицейской; впрочемъ, на границѣ съ Бухарой стоитъ обыкновенно караулъ человекъ изъ 20, смѣняющихся каждые полгода. Нечего и говорить, что оружіе этого караула въ полной негодности: ружья перевязаны веревочками, со сломанными прикладами и даже подчасъ безъ курковъ. У начальника караула я нашелъ берданку, отбитую имъ у текинцевъ, изукрашенную серебряными кольцами, но со сломаннымъ экстракторомъ.

Вообще небрежность хивинцевъ въ обращеніи съ огнестрѣльнымъ оружіемъ поразительна. У диванъ-беги я видалъ въ углу цѣлую коллекцію разныхъ ружей: тутъ были берданки, Пибоди, Снайдера, магазинки Винчестера и т. д., но всѣ они не чищены, заржавлены, попорчены; словомъ, никуда негодны. И это тѣмъ болѣе странно, что привычка къ оружію въ населеніи имѣется: въ западныхъ частяхъ ханства почти каждый туркменъ, отправляясь на базаръ, обязательно беретъ съ собою ружье, но въ большинствѣ никуда негодное.

Берданокъ въ ханствѣ множество. Всѣ онѣ, собранныя изъ бракованныхъ частей, безъ казенныхъ клеймъ, причемъ какая-либо часть обыкновенно бываетъ додѣлана собиравшимъ винтовку мастеромъ. Ихъ много на хивинскомъ базарѣ и продаются онѣ, съ 40 патронами, по 18—22 рубля. Прежде ихъ много покупали текинцы, но теперь спросъ упалъ. Винтовки эти привозятся купцами-татарами изъ Оренбурга, но гдѣ они собираются, я узнать не могъ. А между тѣмъ, очевидно, что ихъ должно быть также много и въ Бухарѣ, а въ Афганистанѣ мы опять несомнѣнно встрѣтимъ ихъ.

Въ противоположность огнестрѣльному, холодное оружіе у хи-

винцевъ отличнаго качества, всегда прекрасно содержано и они его видимо любятъ. Оригинально сказалась ихъ практичность относительно старыхъ кольчугъ, которыхъ видимо было весьма много: за ненадобностью, ихъ разрубили на маленькіе куски и употребляютъ для прикрыванія угольевъ въ кальянахъ. Въ каждой лавченкѣ виситъ по нѣсколько такихъ сѣтокъ и стоятъ они копѣекъ по 5, по 10.

Итакъ, вооруженныя силы въ ханствѣ отсутствуютъ, но оно можетъ выставить 6,000 нукеровъ на годныхъ къ службѣ лошадяхъ. Число это интересно въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, на какую цифру всадниковъ мы можемъ рассчитывать, если населеніе Хивы будетъ привлечено современемъ къ отбыванію военной службы. Большее число собрать едва-ли возможно, потому, главнымъ образомъ, что больше, вѣроятно, не найдется годныхъ къ службѣ лошадей. Что же касается способности населенія къ военной службѣ, то, я полагаю, оно, въ этомъ отношеніи, нисколько не уступитъ закаспійскимъ турменамъ, изъ которыхъ уже не только сформирована милиція, какъ кажется, весьма удовлетворительная, но которые даже берутся теперь охотниками въ казачьи полки.

Во главѣ управленія ханствомъ, со временъ Магометъ-Рахимъ-хана, состоитъ при ханѣ *диванъ*, т. е. примѣняясь къ нашимъ понятіямъ, комитетъ министровъ или, скорѣе, боярская дума. Строгаго разграниченія обязанностей между членами дивана нѣтъ и они весьма напоминаютъ бояръ, управлявшихъ приказами въ до-петровской Руси. Въ составъ дивана входятъ: *диванъ-бегъ*, т. е. великій визирь, *мехтеръ*—министръ финансовъ, *кушъ-бегъ*—министръ двора и государственныхъ имуществъ и *мирза-башъ*—правитель канцеляріи. Однако, такое соотвѣтствіе этихъ должностей нашимъ министрамъ если и существовало нѣкогда, то теперь оно остается только въ принципѣ, на практикѣ же все высшее управленіе ханства не болѣе какъ одно только министерство финансовъ, потому что каждый изъ членовъ дивана что-нибудь съ кого-нибудь собираетъ, но никто ничего на государственныя надобности не расходуетъ.

Дѣйствительно, уже изъ перечисленія этихъ должностей видно, что въ числѣ ихъ нѣтъ представителей учреждений, вѣдующихъ государственными расходами: на общественныя работы, народное просвѣщеніе, юстицію, полицію, пути сообщенія и т. д. и это по той простой причинѣ, что государственныхъ расходовъ въ Хивѣ нѣтъ, а есть только доходы (если не считать уплаты контрибуціи Россіи); въ самомъ дѣлѣ, военнаго бюджета ханство не имѣетъ потому, что не содержитъ ни одного человѣка постоянныхъ войскъ, а нукеры

ему ничего не стоять, потому что служить на своемъ иждевении; общественныя работы хотя и производятся въ большихъ размѣрахъ по очисткѣ и проведенію новыхъ каналовъ, но онѣ производятся натуральной повинностью, причѣмъ каждый казучъ, являясь на работу на 12 дней, приносить съ собою 40 коп. на вознагражденіе лицъ, присматривающихъ за работами; пути сообщенія находятся въ вѣдѣніи *раисовъ* ⁽¹⁾, которые должны чинить ихъ при участіи окрестнаго населенія; мосты чинятся приписанными къ нимъ приходами *кутырчей*. Судопроизводство находится въ рукахъ *казіевъ*, не получающихъ жалованья, а живущихъ судебными пошлинами. Полиціей (состоящей изъ нукеровъ) вѣдаютъ *беки* и *хакимы*, служащіе за пожалованныя помѣстья, какъ и всѣ остальные сипай. Даже расходовъ по взиманію податей не существуетъ, такъ какъ къ каждому окладу присоединены 20 или 40 коп., идущія на вознагражденіе сборщиковъ и иные фискальные расходы.

Такимъ образомъ, государственныхъ расходовъ ханство не имѣеть. Отсюда и обязанности членовъ дивана сводятся ко взиманію доходовъ, система котораго основана на родовомъ, а не на територіальномъ началѣ. Такъ, диванъ-беги вѣдаетъ сборомъ поземельной подати и зякета съ туркменъ-юмудовъ и одной поземельной подати съ карадашлинцевъ и гокленовъ. Онъ же вѣдаетъ таможенными сборами по торговлѣ съ Россіей.

Мехтеръ и кушъ-беги собираютъ поземельную подать съ осѣдлагаго населенія, причѣмъ селенія, платяція одному и другому, перепутаны въ совершенномъ безпорядкѣ.

Мирза-баши собираетъ кибиточную подать съ киргизъ и каракалпаковъ. Особый зякетчи собираетъ налогъ со скота, но также не по всему ханству, а за многими исключеніями. Торговый зякетъ, кромѣ торговли съ Россіей, собираетъ другой зякетчи, назначенный недавно на эту должность изъ чилимчи, т. е. подавателя кальяна, и т. п.

Понятно, что при такой путаницѣ является полный просторъ ко всевозможнымъ злоупотребленіямъ, которыя и практикуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, составляя истинную причину обремененія населенія налогами, такъ какъ законныя подати, въ сущности, не велики. Податная система въ ханствѣ представляетъ весьма интересныя особенности, но изложеніе ея не можетъ войти въ рамки настоящей статьи, а должно составить предметъ особаго сообщенія.

Во главѣ мѣстнаго управленія стоятъ *хакимы*, которыхъ русскіе

(1) *Раиси*—духовные цензоры, обязанные слѣдить за нравственностью населенія и за правильностью вѣсовъ и мѣръ и получающіе съ этого надзора доходы

совершенно неправильно величают, по привычкѣ къ бухарцамъ, беками, такъ какъ, хакимы имѣютъ власть совершенно ничтожную, сравнительно съ бухарскими беками, играющими роль почти что генералъ-губернаторовъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ хивинскихъ хакимовъ занимаютъ свои должности наследственно въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Скорѣй всего, по кругу обязанностей, они могутъ быть приравнены къ стариннымъ воеводамъ; помощники ихъ, вѣдающіе меньшими участками, называются *наибамы*. Наконецъ, низшую административную власть представляютъ собою *юзъ-баши*, т. е. сотскіе изъ нукеровъ, имѣющіе за свою службу двойной надѣлъ противъ простыхъ нукеровъ. Наименьшую административную единицу составляетъ въ ханствѣ приходъ, т. е. *мечеть-каума*. Сборомъ податей въ каждой изъ нихъ завѣдуетъ или *мулла-имамъ*, т. е. приходскій мулла, или *мирабъ*, т. е. арычный староста. Но эти лица, уже выборныя и отъ правительства также ни гроша не получаютъ, кромѣ личнаго освобожденія отъ поземельной подати.

Итакъ, общій выводъ, который можно сдѣлать относительно населенія Хивинскаго ханства, это, что оно, въ общемъ, находится въ весьма удовлетворительныхъ условіяхъ быта и представляетъ черты весьма сходныя, несмотря на все разнообразіе племеннаго состава. Въ физическомъ отношеніи хивинцы народъ болѣею частью рослый, здоровый, сильный и красивый; въ нравственномъ—трудолюбивый, скромный и терпѣливый; въ религіозномъ—менѣе фанатичный, чѣмъ остальные народы Средней Азіи.

Крайне ограниченныя потребности жизни, отсутствіе щегольства и стремленія къ роскоши, даютъ ему возможность жить зажиточно на весьма небольшіе достатки, а весьма равномерное распределение поземельной собственности и доведенная до высокаго состоянія культура позволяетъ странѣ прокормить весьма густое населеніе и за всѣмъ тѣмъ снабжать избыткомъ хлѣба окрестныхъ кочевниковъ.

Въ этомъ избыткѣ производительности страны и лежитъ весьма важное военное значеніе хивинскаго оазиса, какъ продовольственнаго базиса нашего на случай военныхъ операцій въ Афганистанѣ. Обзорніе средствъ страны составитъ предметъ слѣдующаго сообщенія, теперъ же я отмѣчу только, что избытокъ производительности страны достигаетъ, по самымъ скромнымъ расчетамъ, не менѣе 5.500,000 пудовъ разнаго хлѣба въ годъ. Однако, воспользоваться этимъ значительнымъ количествомъ хлѣба мы можемъ только тогда, когда у насъ будетъ на Аму-Дарьѣ грузовое пароходство, способное

поднимать значительныя количества тяжестей: безъ такого пароводства хивинскій оазисъ совершенно не можетъ служить продовольственнымъ базисомъ и, въ военномъ отношеніи, никакого значенія для насъ не имѣеть.

Выводы, которые я сдѣлалъ о населеніи оазиса, повидимому, весьма противорѣчатъ тому, что я говорилъ о послѣдствіяхъ нашествія узбековъ, но это только повидимому. Правда, завоевавъ страну, узбеки не только не внесли въ нее ничего плодотворнаго, но напротивъ, ввели свое родовое начало, поведшее къ междоусобіямъ, отвращеніе отъ земледѣльческаго труда, вызвавшее развитіе рабства и угнетеніе покоренной народности..., но это было въ XV вѣкѣ, а съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, въ особенности въ самое послѣднее время. Междоусобія прекращены навсегда замиреніемъ страны и признаніемъ хана вассаломъ Бѣлаго Царя. Прекращеніе возможности жить грабежемъ и трудомъ рабовъ заставило все племена и народности оазиса усердно взяться за земледѣліе, а водвореніе полной безопасности извнѣ и внутри обезпечило имъ спокойное пользование плодами своихъ трудовъ.

Остается, слѣдовательно, какъ послѣдствіе нашествія узбековъ только родовое начало, твердо укоренившееся въ странѣ, производящее въ ней невообразимую административную путаницу и способствующее туземной администраціи обирать народъ и разворять его незаконными поборами. Но эти послѣдствія нашествія узбековъ и вкорененія ихъ родового начала устранимы только съ принятіемъ населенія въ русское подданство и введеніемъ въ странѣ русскаго управленія, *приспособленнаго къ ея особенностямъ*. Этого послѣдняго событія ждутъ съ нетерпѣніемъ узбеки, сарты, туркмены, каракалпаки и киргизы, хотя по различнымъ соображеніямъ.

Ожиданіе это многократно высказывалось мнѣ въ самой категорической формѣ и думаю, что имъ и объясняется успѣшность сбора мною статистическихъ матеріаловъ, такъ какъ осѣдлое населеніе видимо относилось даже съ интересомъ къ моей работѣ, постоянно поправляя другъ друга. Очевидно, оно считало, что я произвожу подготовительную работу для введенія русскаго управленія. Мнѣ остается пожелать, чтобы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ эти ожиданія оправдались, и чтобы составляемое мною «Статистическое описаніе», хотя до нѣкоторой степени, облегчило будущую администрацію оазиса въ ея первыхъ шагахъ на почвѣ древняго Хорезма.

Генеральнаго штаба капитанъ Стеткевичъ.